

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт
Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01. Филология

«Лингвокриминалистика»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему Юрислингвистические способы защиты от
диффамации в сфере высшего образования (на примере регионального вуза)

Студент М.В. Дроздова _____

Научный руководитель М.А. Венгранович _____

Консультанты _____

Руководитель программы д.ф.н., доцент И.А. Измestьева
«__» _____ 2017г. _____

Допустить к защите

И.о.заведующего кафедрой к.п.н., доцент М.Г. Соколова _____

«__» _____ 2017г.

Тольятти 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИФФАМАЦИИ	14
1.1. Понятие гражданско-правовой диффамации.....	14
1.1.1. Общее понятие диффамации.....	14
1.1.2. Состав гражданско-правовой диффамации.....	18
1.2. Особенности ответственности за диффамацию.....	21
1.3. Способы защиты от гражданско-правовой диффамации.....	29
ГЛАВА 2. ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ ДИФФАМАЦИИ.....	52
2.1. Распространение порочащей информации о ТГУ.....	52
2.2. Юрислингвистический анализ распространенной информации о ТГУ.....	60
2.3. Ирония как средство создания отрицательного образа физического и/или юридического лица.....	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	95
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	99

ВВЕДЕНИЕ

Проблема медиатекстов, вовлеченных в судебный конфликт, - проблема многовекторная, касающаяся как структурно-функциональной организации текста, наличия в нем открытой социальной оценочности, так и эффективности коммуникации, диалогического взаимодействия создателей и потребителей информации.

Главную роль в составе источников конфликта играют отрицательные, негативные оценочные суждения или утверждения о событиях реальной жизни, которые в массовой коммуникации многократно резонируют, усиливая негативное звучание текста. Исследователи отмечают, что тексты с ярко выраженной негативной оценкой (особенно оценкой персонажей или характеристикой их действий) неизбежно формируют особую – конфликтогенную – речевую среду.

Причинами судебных разбирательств могут являться правовой нигилизм или непрофессионализм журналистов, недобросовестная работа с фактом или некорректное представление информации в тексте, нарушение требований, предъявляемых к журналистскому тексту, и др. Причиной конфликта может выступать и другая сторона – адресат, неправильно воспринявший или неадекватно интерпретировавший текст.

Исковые претензии практически во всех случаях случаев обращены к утверждениям о фактах, что свидетельствует о внимании аудитории, и в первую очередь, истцов, то есть персонажей публикаций, к содержательно-фактуальной составляющей медиатекста. Подобных претензий к СМИ можно было бы избежать, если бы создатели текстов ответственно отнеслись к подбору доказательств, подтверждающих то или иное утверждение. Еще на стадии сбора материала и подготовки текста журналист должен верифицировать каждый факт. При переходе конфликта в стадию судебного разбирательства авторы в ряде случаев демонстрируют неумение выстраивать линию защи-

ты, находить и предъявлять требуемые по делу доказательства [Шабанов 2010, с. 226].

Данный факт объясняется не только безответственным отношением к проверке публикуемых фактов, подтверждению соответствия их действительности, но в большей части свидетельствует о намеренном искажении информации с целью создания так называемого «вау-эффекта», привлечения внимания аудитории и, как следствие, повышения интереса к журналисту, изданию и/или его редакции. Зачастую обычные факты, не представляющие особого интереса для аудитории, намеренно искажаются, подаются в неверном свете или «переворачиваются с ног на голову» именно для этого.

И недостаточно сложившаяся судебная практика, отсутствие устоявшихся законных и обоснованных решений, вступивших в законную силу, порой нежелание судей вникать во все тонкости и оттенки изложения информации и описания событий, во многом способствуют уверенности СМИ в своей безнаказанности даже в случаях прав третьих лиц.

То есть основная проблема в вопросах защиты от диффамации, обуславливающая актуальность данной работы, именно в том, что, несмотря на установленные законом способы и возможности защиты от диффамации, реализация их на практике является достаточно проблематичной именно в силу недостаточности судебной практики, молодом «возрасте» диффамационных споров, нежелании ответчика идти на разрешение конфликта в добровольном порядке, без обращения в судебные и контролирующие органы.

И именно благодаря развивающемуся институту лингвистической экспертизы, появлению опытных и квалифицированных экспертов-лингвистов, деятельности Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, внедрению судебной практики по привлечению лингвистов-экспертов в судебные заседания с целью ответов на вопросы и подготовки экспертного лингвистического заключения возможно восстановление справедливости в судебных спорах о защите чести, достоинства и

деловой репутации физических и юридических лиц [Горбаневский 2002, с.10].

Актуальность исследования по выбранной тематике связана с необходимостью теоретического и практического осмысления накопленного опыта в области проведения лингвистических экспертиз материалов СМИ в судопроизводстве по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, формирования положительной позиции по защите нарушенных прав и интересов, способной привести к удовлетворению заявленных исковых требований по восстановлению нарушенных прав. По мнению исследователей, нормы права, существующие в настоящий момент и регулирующие названную категорию дел, могут толковаться субъективно, что не удовлетворяет ни юристов, ни лингвистов, занимающихся экспертизой текстов, ни журналистов, чья профессиональная деятельность оказывается в фокусе внимания, ни тем более физических и юридических лиц, находящихся по обеим сторонам спорных конфликтогенных текстов.

Цель данного исследования – проанализировав существующие нормы права, сложившуюся судебную практику сторонних судов и судебную практику при представлении и защите интересов Тольяттинского государственного университета в диффамационных конфликтах, обосновать наиболее эффективные способы с применением лингвистической экспертизы в качестве необходимой доказательной базы с целью разъяснения возможности и направления результативного способа восстановления нарушенных прав.

Задачи исследования:

- 1) определение общего понятия диффамации, отличия гражданско-правовой диффамации от уголовно-правовой;
- 2) установление состава гражданско-правовой диффамации, определение основных и дополнительных элементов состава;
- 3) определение обстоятельств, исключающих наступление ответственности за диффамацию;

4) установление способов защиты от гражданско-правовой диффамации, определение наиболее эффективных способов защиты, в том числе с использованием лингвистической экспертизы;

5) анализ судебного опыта применения юрислингвистического способа защиты от диффамации на практике (на примере регионального вуза);

6) формирование выводов о наличии состава диффамации и возможности привлечения к ответственности распространителей порочащей информации.

Объектом исследования явились диффамационные споры с участием конфликтогенных текстов в сфере высшего образования, а именно: нормы законодательства, регулирующие вопросы разрешения и ликвидации диффамационных конфликтов, конфликтогенные тексты, распространенные в средствах массовой информации и рассмотренные в судах общей юрисдикции Самарской области, исковые заявления истцов, отзывы и возражения ответчиков, судебные решения первой и второй инстанций, кассационные жалобы, лингвистические экспертизы, проведенные в рамках судебных разбирательств.

Предмет исследования – процесс защиты нарушенных диффамацией прав с применением лингвистической экспертизы, начиная от возможного несудебного способа защиты и заканчивая процедурой судебного разбирательства.

Под конфликтогенным текстом понимается текст, распространенный средствами массовой коммуникации и вызвавший конфликт сторон. Обращение в судебные органы для разрешения конфликта не является обязательным условием признания текста конфликтогенным, но изучение и анализ текстов, явившихся предметом судебного разбирательства, представляется более обоснованным, так как именно судебное решение окончательно определяет наличие или отсутствие в указанных текстах сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лиц. Конфликтогенами являются те элементы текста (слова, словосочетания, устойчивые обороты речи, пред-

ложения, фрагменты текстов, подписи к фотографиям, фотоиллюстрации, рисунки, графически изображения, заголовки), которые вызвали конфликт противостоящих сторон (в случае судебного разбирательства – истца и ответчика) [Котюрова 2009, с.107; Матвеева 2004, с.89-100].

Исследуемые проблемы связаны со становлением сравнительно молодого научно-практического направления в России, отражающего практику проведения лингвистических экспертиз. В русле данного направления медиатексты исследуют Л.А. Араева, А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, Л.Р. Дускаева, Г.С. Иваненко, Е.С. Кара-Мурза, М.П. Котюрова, М.А. Осадчий, Т.В. Чернышева, М.А. Венгранович и др. [Грачев 2009, с.39-61; Гридина 2002, с.23].

Такие известные организации, как Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС), Фонд защиты гласности, Институт проблем информационного права, «Центр защиты прав СМИ» (г. Воронеж) постоянно публикуют сборники, адресованные журналистам и юристам [Бельчиков 2010, с.135-147; Капленко 2002, с.71-77].

Представляется очевидным, что субъектами и объектами судебного дискурса являются не только сами конфликтогенные тексты и их лингвистический анализ, но и широкий внеязыковой контекст, характерный для ситуации унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации. Это участники судебного конфликта (истец, ответчик, представители сторон, свидетели, судья, эксперт), социальный статус коммуникантов, прагматическая установка коммуникантов в конфликте, ситуативный контекст, условия порождения речи и др.

Вовлечение медиатекста в судебную практику добавляет новое измерение категории автора. Согласно нормам права (ст. 152 ГК РФ; главы 4-6, 12 ГПК РФ), на исковые требования отвечают и отстаивают свою позицию не только те лица, которые являются собственно авторами конфликтных высказываний [Гражданский кодекс Российской Федерации 1994, с.79; 3, с.12-16,

с.17-26, с.37-39]. В зависимости от обстоятельств ответчиками могут быть: реальный автор текста, источник информации; главный редактор; редакция; учредитель СМИ; совокупность вышеуказанных ответчиков. Таков перечень физических и юридических лиц, которые могут являться ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Практика рассмотрения дел о защите чести и достоинства, к сожалению, далека от совершенства. Анализ судебных решений показывает, что в ряде случаев и журналисты, и судьи дают ошибочную характеристику конфликтогенов, так как не могут корректно дифференцировать утверждения о фактах и мнения, причем ошибаются обычно именно в квалификации мнений - оценочных суждений [Определение Верховного Суда РФ 2016, с.3]. Наиболее сложными для участников конфликта выступают языковые и текстовые способы выражения оценки. Также в большинстве спорных текстов нарушаются этические стандарты работы журналиста, что подрывает доверие лично к журналисту, к профессии и к институту средств массовой информации в целом.

Качество конфликтности присуще всем текстам, ставшим предметом лингвистической экспертизы. Конфликт в данном случае имеет особые средства экспликации, так называемые языковые маркеры дисгармонии и конфликта в коммуникативном акте. Какие же средства создания конфликта юридизируются?

Языковые средства юридизируются в зависимости от того, обладают ли они доказательной силой по отношению к какому-либо элементу состава правонарушения. Итак, возможное юридическое бытие конфликтного текста обусловлено наличием в нем составляющих, которые могут быть спроецированы на элементы состава языкового правонарушения, прежде всего на субъект (автора текста, издателя, адресанта), объект (адресат, герой конфликтного текста, права которого ущемлены), объективную сторону правонарушения (собственно конфликтный текст - языковое правонарушение) и субъектив-

ную сторону правонарушения (дискредитирующая интенция адресата) [Микулина 2010, с.224-233].

Следующий аспект юридизации текста – вид представленной в тексте информации (фактологическая /оценочная). Фактологическая информация может быть подвергнута оценке на соответствие ее действительности, поскольку в соответствии с законодательством о защите чести, достоинства и деловой репутации порочащей может признаваться только такая информация, которая не соответствует действительности. Оценочная информация, представляющая собой субъективное мнение, не верифицируется, поэтому не относится к предмету судебного разбирательства, но только если выражена корректно. В конфликтных текстах, ставших предметом судебного разбирательства, всегда присутствует фактологическая и оценочная информация, которые зачастую переплетены между собой, и отделить в конфликтном тексте событийную и оценочную информацию – это основная задача экспертного исследования. Но необходимо понимать, что и подбор, и изложение фактической информации также субъективны. Искажения при этом неизбежны, что также может привести к конфликту.

Экспертное исследование собственно оценочных высказываний имеет большое значение для юридизации конфликтного текста. Следует отметить, что тексты, ставшие предметом лингвистической экспертизы, в большинстве своем тексты публицистические, и оценка, эмоциональная окраска, которую они содержат, естественна, она не может быть полностью исключена из публицистики, следовательно, вопрос заключается в неких нормативных ориентирах оценки. Для лингвистической экспертизы это оборачивается вопросами об оскорбительности, негативной оценочности тех или иных выражений и иными [Микулина 2010, с.180-184].

Решить поставленные задачи нам помогли следующие методы исследования: в первую очередь, **описательно-аналитический метод**. Были описаны те случаи диффамации, с которыми мы столкнулись на практике или путем изучения сложившейся судебной практики по вопросам диффамаци-

онных конфликтов, анализировались распространенные сведения на предмет наличия в них состава гражданско-правовой диффамации, анализировалась возможность доказать наличия у них состава диффамации в случае обращения в суд, и описывались те необходимые действия и доказательства, которые необходимо применить в целях положительного решения суда. С помощью **лингвистического метода** проводился лингвистический анализ спорных текстов в СМИ, лингвистический анализ текстов, явившихся предметом судебных разбирательств.

Теоретическая база работы – изучение научных трудов и исследований по проблемам диффамационных конфликтов, состава диффамации как гражданско-правового правонарушения, видов и эффективности способов защиты от диффамации с обязательным проведением лингвистической экспертизы как единственно достоверного способа установления факта диффамации. Исследовались работы следующих отечественных и зарубежных исследователей в области юрислингвистики: Л.А. Араева, А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Н.Д. Голев, Т.В. Губаева, Л.Р. Дускаева, М.П. Котюрова, М.А. Осадчий, В.И. Жельвис, Горбаневский М.В., Е.С. Кара-Мурза, Т.В. Чернышева, М.А. Венгранович. Так, например, следующие работы:

В.И. Жельвис «Оскорбление» или «обида»: попытка дискриминации.

Вепрева И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ).

Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание?

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении.

Голев Н.Д. Юридизация естественного русского языка как фундаментальная проблема юридической лингвистики.

Горбаневский М.В. Об ответственности за слово.

Грачев М.А. Лингвокриминалистика.

Шарифуллин Б.Я. Проблема инвективы: лингвистический и юрислингвистический статус.

Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания.

Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия, и другие.

Нормативная база работы – нормы гражданского законодательства, регламентирующие право на защиту от диффамации – защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных не соответствующих действительности порочащих сведений, нормы законов, регламентирующих специальные способы защиты – нормы закона «О средствах массовой информации», регламентирующие право на опровержение, ответ, реплику, нормы гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, регламентирующие юрислингвистический способ защиты от диффамации в суде, нормы уголовного права, регламентирующие понятие и виды уголовно-правовой диффамации, меры ответственности за уголовно-правовую диффамацию.

Эмпирическая база работы - судебная практика по диффамационным конфликтам, решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, постановления Пленума Верховного суда РФ, обзоры судебной практики Верховного суда РФ, тексты лингвистических экспертиз, проведенных в рамках судебных разбирательств, практика защиты от диффамации на примере регионального вуза – Тольяттинского государственного университета, применение досудебного способа защиты – права на опровержение, юрислингвистического способа защиты – признание распространенных сведений не соответствующими действительности в судебном порядке с обязательным проведением лингвистической экспертизы, анализ сложившейся судебной практики с целью поиска наиболее эффективного и результативного способа защиты от диффамации, разработка наиболее верной позиции судебной защиты от диффамации с решением вопроса о наиболее весомых доказатель-

ствах, необходимых для предъявления в суде с целью получения положительного судебного решения.

Научная новизна исследования заключается в том, что на примере данного исследования можно проследить практическое применение норм законодательства, регламентирующих защиту чести, достоинства и деловой репутации, от самого начала - искового заявления, содержащего фрагменты текстов СМИ, в статьях которых распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, отзыва ответчика на исковое заявление, возражений на отзыв на исковое заявление, лингвистической экспертизы спорных текстов, и до логичного завершения процесса - содержания судебного решения. Данный анализ позволяет понять линию защиты при нарушенных диффамацией правах, подбор и верное применение доказательств в процессе судебного разбирательства, обязательность проведения лингвистической экспертизы, что приведет в итоге к желаемому решению суда.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наличие обязательных элементов состава диффамации необходимо для подтверждения свершившегося факта диффамации и, как следствие, возможности реализации права на защиту от диффамации. Наличие дополнительных элементов состава необходимо для обеспечения эффективной и результативной защиты от диффамации.
2. Для привлечения к ответственности за диффамационное правонарушение должна отсутствовать возможность освобождения от ответственности за диффамацию в отношении сведений, формально являющихся диффамацией, но по той или иной причине не подпадающих под нормы ст. 152 ГК РФ.
3. Способы защиты от диффамации при всем их многообразии наиболее эффективны при реализации их в судебном порядке путем обращения в судебные органы с соответствующими заявлениями.
4. Юрислингвистический способ защиты от диффамации, предусматривающий обязательное проведение лингвистической экспертизы, является наиболее эффективным, способным в максимально короткие сроки восста-

новить нарушенные права на честь, достоинство и деловую репутацию путем реализации права на их защиту и имеющим положительную судебную практику способом.

Теоретическая значимость работы заключается в попытке обоснования наиболее эффективного и результативного способа защиты от диффамации и систематизации накопленного научного опыта применительно к конкретным фактам диффамации (исследовании наиболее весомых, относимых и допустимых доказательств наличия состава диффамации – факта распространения информации, несоответствия ее действительности и порочащего характера).

Практическая значимость работы состоит именно в том, что результаты исследования могут быть использованы на практике юристами, лингвистами, экспертами при участии в судебных разбирательствах по вопросам диффамационных конфликтов и подготовке судебных документов, в процессе преподавания лингвистических и юридических дисциплин в качестве примеров областной судебной практики по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Факты апробации работы нашли свое отражение в судебной практике судов Самарской области – федеральных судов г.Тольятти первой инстанции и в областном суде Самарской области, апелляционной и кассационной инстанциях при рассмотрении дел по диффамационным спорам – исковых заявлений Тольяттинского государственного университета о признании сведений, распространенных в отношении ТГУ, не соответствующими действительности и обязанности ответчика опровергнуть распространенные сведения.

В структурном отношении работа состоит из введения, двух глав, параграфов в составе глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИФФАМАЦИИ

1.1. Понятие гражданско-правовой диффамации

1.1.1. Общее понятие диффамации

Согласно статье 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Согласно статье 23 Конституции, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [Конституция Российской Федерации 2014, с.6]. Таким образом, основной закон государства провозглашает и гарантирует всем физическим и юридическим лицам право на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

Гражданский кодекс РФ не регламентирует, какие конкретно признаки позволяют сделать вывод о том, считается ли данная информация порочащей честь, достоинство и/или деловую репутацию лица. При этом праву на защиту чести, достоинства и деловой репутации противопоставляется право на свободу слова, мысли и массовой информации, которое также гарантировано Конституцией РФ.

Международные нормы права являются неотъемлемой частью правовой системы РФ. Огромную роль в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации играет правовая позиция Европейского суда по правам человека. Так, относительно свободы массовой информации на территории РФ действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Одновременно в статье 10 Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с

определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия [Конвенция о защите прав человека и основных свобод 2004, с.2]. При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2015 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации» указано, что «используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2005, с.4].

Следовательно, понятие «диффамация» признано Верховным Судом официальной юридической категорией, которая теперь упоминается в судебных решениях наряду с упоминанием в трудах известных теоретиков гражданского права. Между тем, приходится признать, что и само понятие диффамации, и ее признаки, и последствия для гражданско-правовых отношений недостаточно изучены в российском праве, большинство теоретиков и практиков недостаточно знакомы с сущностью данного термина и недостаточно хорошо в нем разбираются, что влечет за собой необходимость правового просвещения по вопросам данной категории.

Само понятие диффамации появилось впервые в Древнем Риме, и уже оттуда получило широкое распространение по всему миру. Первоначально

преобладала уголовная ответственность за диффамацию, но затем, с повышением уровня демократизации стран и осознания значимости свободы информации и свободы слова, уголовная ответственность в большинстве своем была заменена на гражданско-правовую. В некоторых странах в настоящее время диффамация рассматривается только как гражданско-правовое нарушение, но все же в большинстве стран, и в России в том числе, диффамация может рассматриваться и как гражданско-правовое правонарушение, и как преступление, предусмотренное уголовным законодательством.

Так, например, в дореволюционной России диффамация, так же как клевета, являлась уголовно наказуемым деянием, приравнивалась к «опозорению» человека. Отличительной чертой диффамации было то, что она распространялась только через печатные издания, могла быть как ложной, так и правдивой, но при этом обязательно порочащей. При этом, в случае обвинения в диффамации доказывание обвиняемым истины не предусматривалось.

В настоящее время диффамация фактически разделяется на гражданско-правовую и уголовно-правовую. Уголовно-правовая диффамация является либо клеветой (так называемая преднамеренная диффамация) либо оскорблением (диффамация, выраженная в неприличной форме). Если верить статистике, дела, связанные с клеветой и оскорблением, составляют порядка 8-10 процентов всех судебных дел по диффамации. Причем большинство диффамационных дел подпадают под гражданско-правовое регулирование, так как относятся к защите чести, достоинства и деловой репутации, регламентированной нормами Гражданского кодекса РФ.

В течение длительного времени бытовало такое мнение, что главное отличие диффамации в гражданско-правовом смысле от клеветы в уголовно-правовом смысле заключается в том, что к диффамации относится любое распространение порочащих сведений, в том числе сведений, соответствующих действительности, либо только сведений, соответствующих действительности.

Существует три основных взгляда на толкование термина «диффамация», согласно которым диффамация:

- распространение заведомо ложных сведений порочащего характера;
- распространение порочащих, в том числе соответствующих действительности, сведений;
- распространение порочащих сведений, соответствующих действительности.

Некоторые теоретики дают следующее определение понятия диффамации – «действие, направленное на причинение вреда чести, личной и семейной тайне, достоинства и деловой репутации, имени и образу физического лица». Но, думаю, такая трактовка излишне расширена, так как личная и семейная тайны отдельно регламентированы гражданским законодательством, и механизмы их защиты иные. Кроме того, защита чести не всегда связана с защитой личной или семейной тайны, что говорит о необходимости их отграничения при трактовке понятия диффамации.

Но в настоящее время нормы действующего законодательства, нормативные акты Европейского суда по правам человека однозначно свидетельствуют о том, что диффамация – это не любые порочащие сведения, а только не соответствующие действительности.

Таким образом, диффамация в гражданско-правовом смысле – это гражданско-правовое правонарушение, выражающееся в распространении порочащих сведений (утверждений о фактах реальной действительности), не соответствующих действительности и умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию физических и юридических лиц.

Гражданско-правовая диффамация является тем обязательным условием, при наличии которого возможна защита чести, достоинства и деловой репутации в рамках норм статьи 152 ГК РФ.

1.1.2. Состав элементов гражданско-правовой диффамации

Законодательство и сложившаяся судебная практика предъявляют конкретные требования к гражданско-правовой диффамации, только при соблюдении которых возможно осуществление защиты чести, достоинства и деловой репутации и реализация способов гражданско-правовой защиты. Необходимо доказать наличие состава гражданско-правовой диффамации в каждом конкретном случае, который, в свою очередь, является отражением ее сущности.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» установлено, что «обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются:

- факт распространения ответчиком сведений об истце,
- порочащий характер этих сведений,
- несоответствие их действительности.

При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2005, с.4].

Далее в Постановлении дается разъяснение, что понимается под каждым из вышеперечисленных обстоятельств. Так, распространением порочащих честь и достоинство или деловую репутацию граждан и юридических лиц сведений является опубликование указанных сведений в печати, трансляцию их по радио и телевидению, демонстрацию в различных средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием других средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных доку-

ментах, публичных выступлениях, заявлениях на имя должностных лиц или сообщении в любой форме хотя бы одному лицу.

Представляется интересным, что сообщение подобных сведений лицу, к которому они относятся, не может признаваться их распространением, при соблюдении обязательного условия - если лицо, сообщившее порочащие сведения, приняло достаточные меры конфиденциальности с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам.

Необходимо отметить, что в случае размещения не соответствующих действительности порочащих сведений в сети Интернет на информационном ресурсе, являющемся зарегистрированным средством массовой информации, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации будут действовать специальные нормы закона - нормы, регламентирующие деятельность средств массовой информации.

Необходимо отметить, что распространением сведений является, в том числе, и изложение информации работником руководителю в рамках исполнения должностных обязанностей в случае, если данная изложенная информация касается третьих лиц и является порочащей. Приведем пример из судебной практики.

В ООО "Г." возник служебный конфликт между руководством и К.Н.В., работавшей в должности ведущей программ "Стол заказов "Русского Радио". К.Н.В. направила генеральному директору ЗАО "Русская Медиагруппа" К.А.С. письмо с приложением аналитической записки "Русское радио" в Тюмени. Взгляд изнутри и не только...", в которых изложила ряд сведений о деятельности ООО "Г." и ООО "Г.ФМ" по вещанию радиопрограммы "Русское радио". В письме и аналитической записке содержались утверждения К.Н.В. о нарушении ООО "Г." и ООО "Г.ФМ" положений договоров, заключенных ими с ЗАО "Русская Медиагруппа"; о неспособности данных обществ выполнять принятые на себя обязательства, в том числе финансовые; о бездарности и безграмотности руководителей организаций; о постоянном нарушении трудового и налогового законодательства и фальсификации документов.

По результату детального анализа словесно-смысловых конструкций суд разграничил оценочные суждения ответчика с его субъективным мнением и признал не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истцов только те сведения, которые в силу обязанности доказывания в силу статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ не подтверждены фактическими доказательствами.

Согласно положениям пунктов 4, 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 суд выясняет соответствие действительности и порочащий характер распространенных ответчиком сведений о недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, которые умаляют деловую репутацию юридического лица. Под распространением таких сведений понимается не только их опубликование в средствах массовой информации и телекоммуникаций, но и изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2005, с.5].

Исходя из смысла пункта 2 статьи 152 Гражданского кодекса РФ, суд определил следующий порядок опровержения - обязать ответчика направить третьему лицу письма с соответствующими опровержениями.

Решением от 25.02.2009 исковые требования удовлетворены частично, признаны не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истцов сведения, указанные в письме, с ответчика в пользу истцов взыскано по 50 000 рублей компенсации и 50 000 рублей расходов по оплате экспертизы.

Арбитражным судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции о частичном удовлетворении исковых требований изменено в части уменьшения размера компенсации до 10 000 рублей, компенсация расходов по оплате экспертизы оставлена без изменения.

Не соответствующие действительности сведения - утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальной действительности в то время, относительно которого они упоминаются.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Диффамация в гражданско-правовом смысле – это гражданско-правовое правонарушение, выражающееся в распространении порочащих сведений (утверждений о фактах реальной действительности), не соответствующих действительности и умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию физических и юридических лиц.

2. Состав гражданско-правовой диффамации:

- факт распространения ответчиком сведений об истце,
- порочащий характер этих сведений,
- несоответствие их действительности.

1.2. Особенности ответственности за диффамацию

Законодателем установлено, что не являются не соответствующими действительности сведения, указанные в судебных решениях или приговорах, постановлениях органов внутренних дел и иных процессуальных или официальных документах, так как обжалование или признание незаконными указанных документов возможно в ином установленном законодательством судебном порядке. Так, не могут быть опровергнуты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации сведения, указанные в приказе об увольнении, так как приказ об увольнении оспаривается в соответствии с нормами, установленными трудовым законодательством.

Несколько примеров из судебной практики в подтверждение вышеуказанной позиции. Определением Верховного Суда РФ от 17.08.2016 N 302-КГ16-9703 по делу N А19-14666/2015 отказано в удовлетворении заявленного требования о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу

о признании недействительным решения налогового органа в части выводов о получении необоснованной налоговой выгоды, по следующим основаниям:

«Изложенные в официальных документах (акте проверки и решении инспекции) выводы налогового органа являются результатом анализа конкретных обстоятельств и документов, носят оценочный характер, решение инспекции не возлагает на заявителя каких-либо обязанностей, факт распространения информации (сведений) в понимании статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации отсутствует. При этом судебные инстанции сделали вывод о том, что для обжалования и оспаривания выводов, изложенных в ненормативных актах налоговых органов, предусмотрен иной установленный законом порядок, в связи с чем указанные заявителем сведения не могут быть опровергнуты в порядке указанной нормы права» [Определение Верховного Суда РФ 2016, с.4].

Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.11.2015 N С01-913/2015 по делу N СИП-864/2014 отказано в удовлетворении требования о признании результатов клинических исследований не соответствующими действительности, обязанности опубликовать опровержение, компенсации морального вреда по следующим основаниям.

Истец ссылается на то, что в описании изобретения по патенту, опубликованному в официальном бюллетене Роспатента, содержатся сведения о проведении клинических испытаний, не соответствующие действительности и противоречащие медицинской морали, порочат честь, достоинство и деловую репутацию автора изобретения. Выдача патента на изобретение осуществляется на основании соответствующего решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности (пункт 1 статьи 1393 ГК РФ). В соответствии с пунктом 2 статьи 1398 ГК РФ патент на изобретение в течение срока его действия может быть оспорен путем подачи возражения в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности любым лицом, которому стало известно о нарушениях, предусмотренных подпунктами 1 - 4 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ. Следовательно, в

данном случае для обжалования и/или оспаривания патента предусмотренной установленный законами порядок, следовательно, нормы опровержения в порядке статьи 152 ГК РФ применены быть не могут [Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам 2015, с.3].

Что касается возможности отнесения сведений к категории порочащих, то законодатель разъясняет: порочащими являются «сведения, содержащие утверждения о нарушении физическим или юридическим лицом норм действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

Кроме указанных основных трех элементов состава гражданско-правовой диффамации, а именно: факта распространения ответчиком сведений об истце, порочащего характера этих сведений и несоответствия их действительности, некоторые теоретики указывают еще три «дополнительных» элемента, призванных помочь в определении отнесения события к гражданско-правовой диффамации и, как следствие, оценки возможности и перспективности судебной защиты. Данные «дополнительные критерии» выделены на основе анализа сложившейся судебной практики и комментариев действующего законодательства.

Итак,

- распространенные сведения должны касаться конкретного лица, то есть полнота и подробность изложенных сведений должны обеспечить возможность идентификации конкретного физического или юридического лица, которое и обратится за защитой нарушенных прав;

- сведения должны содержать именно утверждения о фактах или событиях, а не мнения, суждения, точки зрения, гипотезы распространителя на те или иные вопросы, например, на то или иное поведение физического лица;

- отсутствие возможности освобождения от ответственности за диффамацию в отношении сведений, формально являющихся диффамацией, но по той или иной причине не подпадающих под нормы ст. 152 ГК РФ.

Что касается первого условия, то оно понятно – в отношении физического лица должны быть указаны фамилия, имя и отчество, либо только фамилия, но в данном случае должны присутствовать иные признаки, позволяющие конкретизировать определенного человека в описанных событиях. Относительно юридического лица указывается фирменное наименование, либо четкое место нахождения и род деятельности, или иные конкретизирующие признаки.

Относительно необходимости содержания именно утверждения о фактах, разъяснено в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц". Суд указывает, что «в соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать

- имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить,

- и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2005, с.3].

За высказанные мнения или суждения порочащего характера также предусмотрена ответственность, но иная, не в рамках судебного разбиратель-

ства. Так, в случае, если высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, по мнению «героя» данного высказывания затрагивает его права и законные интересы, то возможно использование предусмотренного пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" права на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку [Гражданский кодекс Российской Федерации 1994, с.53; О средствах массовой информации 2016, с.10].

Статья 46 предусматривает, что «гражданин или организация, в отношении которых в средстве массовой информации распространены сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие права и законные интересы гражданина, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации». При этом в случае гражданско-правовой диффамации возможно использование и права на ответ, и права на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации, один из указанных способов защиты не исключает другой.

В том случае, если субъективное мнение изложено в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию, на ответчика может дополнительно быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Разрешая требования о компенсации морального вреда, суд принимает во внимание фактические обстоятельства дела, требования разумности и справедливости, степень вины ответчика, личные особенности ответчика (возраст, психические особенности, возможность отвечать за свои действия и степень осознания произошедшего) и, исходя из совокупности изложенных

обстоятельств, принимает решение о возможности взыскания компенсации морального вреда и конкретном размере взыскиваемой суммы.

Под отсутствием оснований или случаев освобождения от гражданско-правовой диффамации подразумевается, что данный конкретный случай не подпадает под нормы законодательства, освобождающие от ответственности за фактически совершенную диффамацию. Так, например, к указанным случаям относятся следующие:

- присутствие сведений в обязательных сообщениях;
- получение сведений от официальных информационных агентств;
- наличие сведений в ответах на запросы информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений;
- сведения, содержащиеся в авторских произведениях, идущих в прямой эфир без предварительной подготовки и записи;
- сведения содержатся в судебных решениях, приговорах, приказах об увольнении или иных официальных документах, для оспаривания, отмены или признания незаконными которых законодательством установлен иной порядок;
- сведения изложены в обращениях в государственные, правоохранительные органы, кроме выявления случаев злоупотребления правом на обращение в вышеуказанные органы.

На данном случае возможного освобождения от ответственности остановимся подробнее. С одной стороны, действительно, ст. 33 Конституции РФ регламентирует право граждан на направление в государственные органы и органы местного самоуправления личных обращений, для рассмотрения указанными органами обращений в пределах их компетенции, принятия по ним решения и дачи мотивированных ответов в установленный срок [Конституция Российской Федерации 2014, с.7]. При этом, даже если изложенные в заявлении сведения не нашли своего подтверждения, то есть фактически оказались сведениями, не соответствующими действительности, а сведения в большинстве своем являются порочащими, так как в правоохранительные ор-

ганы люди обращаются с сообщениями о готовящемся, предполагаемом или совершенном преступлении или правонарушении, то данное обстоятельство само по себе не является основанием для привлечения заявителя к ответственности за распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности.

Только в одном случае изложенные в обращении в государственные или муниципальные органы порочащие сведения, не соответствующие действительности, могут быть признаны образующими состав гражданско-правовой диффамации – если судом будет установлено, что обращение не имело под собой никаких законных или объективных оснований и было вызвано не желанием исполнить свой гражданский долг и реализовать свои конституционные права или защитить свои законные права и интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть обращение было вызвано злоупотреблением правом.

Исходя из сложившейся судебной практики можно сделать вывод о том, что признание обращения в государственные органы событием гражданско-правовой диффамации практически невозможно, чтобы доказать это, истцу придется приложить немало усилий и подкрепить свою позицию весомыми доказательствами. Предполагается, что ни один ответчик, даже обратившийся в государственные органы с намерением причинить вред истцу, не будет признаваться в этом в процессе судебного разбирательства, не желая наступления ответственности за свои проступки. Однозначно ответчик будет уверять суд, что им двигало исключительно желание исполнить свой гражданский долг и предупредить возможное правонарушение и возможные негативные последствия данного предполагаемого правонарушения.

В данном случае в пользу истца могут быть рассмотрены следующие обстоятельства происшедшего: неоднократность обращения ответчика в государственные или муниципальные органы либо в отношении одного и того же гражданина, либо в отношении разных граждан, но с описанием одного и того же готовящегося или произошедшего правонарушения, при том что все

проведенные по обращению проверки не нашли подтверждения изложенным в обращении фактам. Либо если тот факт, что изложенные в обращении сведения не соответствуют действительности, был достоверно известен ответчику, и тому имеются неопровержимые доказательства. Например, если до этого ответчиком направлялись обращения с диаметрально противоположной информацией в отношении истца и в отношении существа последующих обращений. Либо если у ответчика имеются в распоряжении документы (приказы, письма, свидетельства), опровергающие ту информацию, которую он изложил в своем обращении в отношении истца.

Также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» регламентировано, что в случае распространения спорных сведений в ходе рассмотрения гражданского, уголовного или административного дела участвовавшими в нем лицами или свидетелями в отношении участников судебного процесса, если сведения являлись доказательствами по делу и были оценены судом при рассмотрении дела, они не могут быть оспорены в порядке статьи 152 Гражданского кодекса РФ. В данном случае применяются нормы Гражданского процессуального кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, устанавливающие особый порядок исследования и оценки доказательств. Указанное требование фактически является требованием о переоценке сведений, включая переоценку доказательств по уже рассмотренным делам.

Если же сведения были распространены при рассмотрении дела участниками процесса в отношении других лиц, не являющихся участниками судебного процесса, то лица, не являющиеся участниками процесса и считающие сведения порочащими и не соответствующими действительности, могут защитить свои права в порядке статьи 152 Гражданского кодекса РФ.

То есть в каждом конкретном случае суд будет разбираться в сложившейся ситуации с учетом всех возможных подтверждающих или опровергающих документов, а истцу необходимо будет обеспечить суд всеми указан-

ными доказательствами для обеспечения вынесения законного и обоснованного решения.

То есть свидетельские показания, пояснения сторон, иных лиц в процессе судебных заседаний могут рассматриваться, с одной стороны, как подпадающие под ответственность за диффамацию, если они были распространены в рамках судебного разбирательства в отношении лиц, не имеющих отношения к предмету судебного разбирательства, а с другой стороны, как не подпадающие под ответственность за гражданско-правовую диффамацию в том случае, если они были озвучены в отношении предмета судебного разбирательства, его сторон, и исследовались судом в качестве доказательств по данному конкретному делу.

При наличии всех вышеуказанных признаков, составляющих состав диффамации, можно сделать вывод о возможности защиты от диффамации, предусмотренной законодательством и применяемой на практике. Существует несколько способов защиты, они различны в зависимости от того, в судебном или внесудебном порядке планируется осуществление защиты. Но существует большое количество теоретических и практических проблем, осложняющих практическое применение защиты.

1.3. Способы защиты от гражданско-правовой диффамации

Перечислим все возможные способы гражданско-правовой защиты от диффамации, начиная от наиболее распространенных и часто применяемых, и заканчивая единичными, редко применяемыми способами защиты:

- признание распространенных сведений не соответствующими действительности;
- опровержение распространенных сведений;
- использование права на ответ (реплику, комментарий);
- возмещение причиненных убытков;
- компенсация морального вреда;

- компенсация нематериального вреда юридическим лицам;
- извинение и другие.

Все вышеперечисленные способы защиты, кроме возмещения убытков и компенсации морального вреда, являются специальными способами защиты – по другим категориям дел, кроме как по диффамационным делам, они не применяются. У всех способов защиты от диффамации есть особенность, в первую очередь их цель – защита истца от диффамации, и только затем – привлечение ответчика к гражданско-правовой ответственности.

Постановление Пленума ВС РФ № 3 четко определено, что «в силу п. 1 ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений. Вместе с тем исходя из п. 3 названной статьи в случае, когда гражданином, в отношении которого средством массовой информации опубликованы соответствующие действительности сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, оспаривается отказ редакции средства массовой информации опубликовать его ответ на данную публикацию, истец обязан доказать, что распространенные сведения ущемляют его права и охраняемые законом интересы».

То есть, с одной стороны, истец должен доказать только сам факт распространения и порочащий характер сведений, а несоответствие их действительности доказывать не должен. Но исходя из сложившейся судебной практики и процессу судебному разбирательству, можно уверенно заявить – в интересах истца доказать все элементы состава гражданско-правовой диффамации, в том числе и факт несоответствия действительности распространенных сведений, с приведением доказательств и приобщением к материалам дела документов, подтверждающих несоответствие действительности распространенных сведений, с привлечением свидетелей и использованием всех возможных способов доказывания изложенной в исковом заявлении позиции и подтверждения законности и обоснованности заявленных исковых требова-

ний. Такая позиция, во-первых, позволит избежать затягивания судебного процесса, а во-вторых, увеличит шансы на принятие судом решения в пользу истца.

К сожалению, в настоящее время защита от диффамации в судебном, да и во внесудебном порядке, мало распространена в нашей стране, и количество положительных решений по данному виду споров также достаточно мало. Но внесудебная защита дает еще меньше шансов лицам, пострадавшим от диффамации, на получение защиты, так как практически никто из лиц, допустивших нарушение прав и свобод граждан и юридических лиц, готов в добровольном порядке, без судебного разбирательства, признать свою вину и добровольно принять меры по исправлению допущенной ситуации, по обеспечению возможности использовать меры внесудебной защиты.

Именно поэтому судебная защита является более предпочтительной и рекомендуется нами, в том числе, как более реальный и действенный способ восстановления нарушенных прав и законных интересов, хотя данный способ требует более детальной и тщательной подготовки всех материалов и доказательственной базы для успешного разрешения возникшей ситуации. Обязательный досудебный претензионный порядок защиты от диффамации законодателем не предусмотрен, следовательно, обращение в суд возможно без соблюдения каких-либо обязательных предварительных процедур.

Необходимо отметить, что из всех перечисленных способов защиты только признание распространенных сведений не соответствующими действительности является юрислингвистическим способом защиты от диффамации, так как подобная защита возможна только в судебном порядке, ведь признание сведений не соответствующими действительности возможно только решением суда для наступления ответственности ответчика. И при рассмотрении подобных вопросов в суде суд, не обладая надлежащими знаниями и компетенцией, назначает проведение лингвистической экспертизы для подтверждения доводов истца о порочащем характере распространенных сведений и об изложении их в форме утверждения, за что предусмотрена от-

ветственность, или в форме мнения, суждения, что исключает возможность наступления ответственности для ответчика.

Тем не менее, иные способы защиты, такие как право на опровержение, реплику, ответ, являются самостоятельными способами защиты и в некоторых случаях применяются и до или вместо обращения в судебные органы. Рассмотрим некоторые из них подробнее на примерах из судебной практики.

В январе 2015 года в газете «Навигатор» в статье «Скандал в ТГУ» и на сайте «Тольяттинский навигатор» по адресу: www.navigators-tyt.ru были распространены негативные сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию Тольяттинского государственного университета, а именно:

1. Указано, что «Сегодня в требованиях министерства образования и науки РФ заложена составляющая, толкающая вузы в объятия коррупции. Стремясь «монетизировать» науку, чиновники от образования требуют от сотрудников высшей школы экономических показателей. По мнению министерских работников, ученый должен кому-то себя продавать, и чем больше и дороже – тем успешнее он с точки зрения чиновников. Тот, кто себя (свои научные изыскания) продать не может или не хочет, должен быть признан неэффективным и лишен возможности работать в вузе».

Данная информация не соответствует действительности в полном объеме и ничем не подтверждается со стороны издательства. Ссылаясь на требования Министерства образования и науки РФ, требования министерских чиновников, редакция должна подтвердить это ссылкой на нормы законодательства, содержащие данные требования, инструктивные письма, содержащие данные нормы и являющиеся обязательными для исполнения. Но все указанные требования в действительности отсутствуют, ВУЗам не предъявляются и никак не являются основанием для «лишения права работать в ВУЗе».

2. Указание, что «в российских вузах самыми важными аргументами в кадровой политике становятся хрустящие купюры. И вот теперь именно несогласие с методами отчетности по хоздоговорным работам, видимо, оставит без работы преподавателя ТГУ С.. Известного в городе спортсмена, чемпиона и основателя направления силового экстрима могут уволить из университета за дачу свидетельских показаний по факту пресечения коррупции» не соответствует действительности в полном объеме.

Прием и увольнение работников в ТГУ производится в строгом соответствии с действующим законодательством, процедура четко регламентирована нормативными актами и никак не связана с согласием или несогласием с методами отчетности, дачей свидетельских показаний.

Так, согласно ст. 332 ТК РФ, заключению трудового договора на замещение должности научно-педагогического работника в образовательной организации высшего образования, а также переводу на должность научно-педагогического работника предшествует избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности.

Положением о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении РФ, утвержденным приказом Минобрнауки РФ от 26.11.2002 года № 4114, установлено, что заключению трудового договора предшествует конкурсный отбор претендентов, и регламентирован порядок проведения конкурсного отбора.

Обсуждение и конкурсный отбор претендентов на должности научно-педагогических работников (далее - работники) проводятся на ученом совете вуза (ученом совете, совете факультета, филиала). Решение по конкурсному отбору принимается по результатам тайного голосования.

Успешно прошедшим конкурсный отбор считается претендент, получивший путем тайного голосования наибольшее число голосов членов ученого совета (совета), но не менее половины плюс один голос от числа принявших участие в голосовании при кворуме не менее 2/3 списочного состава ученого совета.

Таким образом, проведение конкурсного отбора для заключения или продления трудовых отношений в ТГУ в полном объеме соответствует требованиям действующего законодательства, так же как и процедура именно тайного голосования, регламентированная трудовым законодательством РФ. При проведении конкурсного отбора в голосовании принимают участие коллеги претендента на должность, члены Совета института, и при голосовании оцениваются именно профессиональные и личностные качества претендента, его соответствие квалификационным требованиям, показатели работы за отчетный период. «Несогласие с методами отчетности», «дача свидетельских показаний по факту пресечения коррупции» не являются основаниями для непрохождения конкурсного отбора на должность преподавателя.

«Лояльность к руководству и умение прогнуться под систему» никак не могут повлиять на результаты голосования при конкурсном отборе, так как в число голосующих не входят представители администрации или кадровые работники ТГУ, претендент оценивается своими же коллегами, сотрудниками его кафедры и института, являющимися свидетелями его ежедневной профессиональной деятельности как преподавателя. Сама процедура тайного голосования как раз и обеспечивает независимость и свободу волеизъявления голосующих, так как невозможно определить, кто проголосовал «за», а кто «против».

3. Указание на то, что «2 сентября при прохождении конкурсного отбора С. был уволен из ТГУ, а Ц. не допустили к должности старшего преподавателя» не соответствует действительности. Во-первых, С. был уволен не при прохождении конкурсного отбора, а в связи с непрохождением конкурсного отбора, в результате неизбрания по конкурсу, что является обязательным основанием для увольнения согласно требованиям трудового законодательства.

Информация о том, что «со слов С. ему дали понять, если он и дальше будет поддерживать взбунтовавшегося коллегу и не поменяет свою позицию, его также ждет увольнение», не соответствует действительности, так как ни-

каких угроз подобного содержания в отношении Ц. не было. Кроме того, заключение и расторжение трудовых договоров в ТГУ производится в соответствии с трудовым законодательством, а не в связи с поддержанием «взбунтовавшихся коллег».

4. Указание на то, что «хоздоговорные темы» являются главным критерием для всех преподавателей при продлении с ними трудовых отношений, повышении в должности и, соответственно, зарплаты» не соответствует действительности в полном объеме, так как продление трудовых отношений с преподавателями или повышение в должности (перевод на иную должность) возможно только при прохождении конкурсного отбора, где в квалификационных требованиях, являющихся критериями для прохождения конкурсного отбора на ту или иную должность, отсутствует такой критерий как «хоздоговорные темы».

5. Информация о том, «если научная деятельность на кафедре не ведется, то в качестве компенсации средства собираются с преподавателей. А тем, кто не сдал, нет места в рядах вуза. Благо система тайного голосования при продлении договорных отношений позволяет исключить любого проштрафившегося преподавателя» не соответствует действительности в полном объеме.

6. Указание на то, что « максимальный срок (трудового договора) пять лет, но он лишь для избранных. Причем конкурсный отбор проводится тайным голосованием членов совета института. Они же решают, сколько лет будет работать преподаватель до следующего конкурса – год, два, три или пять. При этом преподавателей постоянно увольняют перед датой окончания срока договора, а после конкурса – если прошел – принимают вновь. Преподаватели от такой системы трудовых отношений не могут заработать нормальную выслугу трудового стажа, теряют в отпусках. Зато срочные трудовые отношения удобны руководству, у них больше возможностей держать сотрудников на коротком поводке» не соответствует действительности.

Согласно ст. 332 ТК РФ, трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора.

При этом срок трудового договора определяется сторонами – работодателем и работником – при заключении договора, а не членами совета института, как указано в статье. Процедура конкурсного отбора, заключения трудового договора, определение срока трудового договора проводится в полном соответствии с трудовым законодательством, причем тайное голосование при проведении конкурсного отбора – нормативно установленное требование законодательства, перед датой окончания срока трудового договора преподаватели никогда не увольняются, они увольняются только в связи с истечением срока трудового договора в связи с непрохождением по конкурсу, в случае прохождения по конкурсу срок действия трудового договора продлевается, расторжения трудовых отношений не происходит. Это подтверждается копиями приказов, приложенных к иску.

7. Указание в статье на то, что «такие незаурядные люди, как мастер спорта по пауэрлифтингу, многократный победитель и призер соревнований различного уровня Ц., числятся в первых рядах на отстранение от преподавательской работы со студентами» не соответствует действительности в полном объеме. Во-первых, ни о каком отстранении от преподавательской работы со студентами речь не идет, ни С., ни Ц. не отстранялись и не планировались к отстранению от работы со студентами.

В ТГУ отсутствует указанный в статье список работников «на отстранение от преподавательской работы», в первых рядах которого якобы числятся Ц. и С.

8. Указание на то, что «то, что С. и Ц. проявили твердость и решили отстаивать правоту, говорит в первую очередь о наличии в их характерах решимости, смелости. Разве не таких преподавателей больше всего уважают студенты? Разве не такие сотрудники нужны высшей школе? Ближайшая судьба Ц. покажет, что главнее в кадровой политике ТГУ: личностные и профессиональные качества преподавателя или же его лояльность к руководству и умение прогнуться под систему» не соответствует действительности и порочит деловую репутацию ТГУ. Кадровая политика ТГУ строится на соблюдении квалификационных требований к преподавателям, установленных законодательством, соблюдении установленной процедуры конкурсного отбора, а «умение прогнуться под систему и лояльность к руководству» не являются параметрами, учитываемыми при заключении или продлении трудовых отношений.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3, обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 ГК РФ значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. Под распространением сведений, порочащих деловую репутацию юридических лиц, следует понимать опубликование, в том числе, таких сведений в печати. Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения [Гражданский кодекс Российской Федерации 1994, с.53].

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Университет является государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования, реализующим образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования, осуществляющим подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников высшей квалификации, научных и научно-педагогических работников.

Указанные в статье сведения о том, что в ТГУ кадровые вопросы решаются по принципу «лояльности работника к руководству и умения прогнуться под систему» содержат утверждения о нарушениях в ТГУ трудового законодательства, ненадлежащем исполнении сотрудниками должностных обязанностей по соблюдению законодательства; сведения о том, что «если научная деятельность на кафедре не ведется, то в качестве компенсации средства собираются с преподавателей. А тем, кто не сдал, нет места в рядах вуза», содержат утверждения о нарушениях в ТГУ законодательства. Таким образом, все приведенные сведения могут быть признаны порочащими и не соответствующими действительности.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3, в силу п.1 ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и также порочащий характер этих сведений.

Вместе с тем, ТГУ представлены доказательства того, что распространенные сведения не соответствуют действительности, как-то: локальный нормативный акт «Порядок организации и проведения конкурса на замещение должностей профессорско-преподавательского состава», утвержденный решением Ученого совета; квалификационные характеристики должностей сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава, утвержденные приказом Минздравсоцразвития РФ № 1н от 11.01.2011 года, Положение о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении РФ, утвержденное приказом Минобразования РФ от

26.11.2002 года № 4114 (действовавшее на момент описываемых в статьях событий), копии приказов о продлении трудовых отношений в связи с прохождением конкурсного отбора.

Таким образом, сведения, распространенные интернет-газетой «Навигатор» не соответствуют действительности, так как содержат утверждения о фактах, не имевших место в реальности и носят порочащий характер, так как содержат утверждения о нарушении истцом действующего законодательства.

Со своей стороны ТГУ пытался в досудебном порядке разрешить сложившуюся ситуацию путем реализации своего права на ответ и направил в адрес редакции соответствующее письмо в полном соответствии с нормами законодательства. В ответ на это в газете от 10.02.2015 года была размещена следующая статья под заголовком «ТГУ выходит на тропу войны», в которой также содержалась не соответствующая действительности информация, порочащая деловую репутацию ТГУ. Так, было указано, что «нашумевшая статья вызвала острую реакцию руководства вуза», «в публикации шла речь о том, что преподаватели университета обвинили руководство в поборах «на нужды» учебного заведения», хотя в действительности никакой острой реакции руководства не было, право на ответ предусмотрено действующим законодательством и может быть реализовано в установленном законом порядке. Кроме того, преподаватели никогда не обвиняли руководство вуза в поборах на нужды вуза, в предыдущей статье речи об этом не было.

Также было размещено само письмо и указано, что «в пространным письме ректор ТГУ ... затребовал права на ответ, утверждая при этом, что данный ответ должен быть опубликован непременно на правах опровержения». В данном случае письмо было составлено в полном соответствии со ст. ст. 46 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации", согласно которой в отношении ответа и отказа в таковом применяются правила статей 43 - 45 указанного Закона.

Затем 26.02.2015 года на сайте интернет-газеты «Тольяттинский навигатор» размещена следующая статья «Студенты требуют вернуть опального

преподавателя», где размещено открытое письмо студентов ТГУ с требованием к руководству ТГУ разобраться с ситуацией и вернуть Ц. к работе со студентами. В данной статье также содержится информация, не соответствующая действительности, о том, что «другой преподаватель Ц. подает заявление в ОБЭП о вымогательстве такой же суммы денег», «через некоторое время оказывается уволенным из ТГУ». В действительности Ц. не подавал заявление в ОБЭП и уволен был не в связи с подачей данного заявления, как пытается изложить в статье редакция газеты, а в связи с непрохождением конкурсного отбора.

Также в статье указано о якобы направленном от имени начальника УМВД РФ по г. Тольятти полковника полиции С.А. Гудилина на имя министра образования и науки Самарской области В.А. Пылева письме, в котором поднят вопрос о законности увольнения С. и Ц. и запрошена информация о принятии дисциплинарных мер в отношении Х., что также не соответствует действительности.

Во всех указанных статьях применяются особые стратегии манипуляции, а именно – факты подаются в искаженном, выгодном для авторов виде – большая часть фактов умалчивается, а другие – наоборот выпячиваются и подаются в гротескном виде. Например, указывается, что для прохождения преподавателя по конкурсу учитывается только объем заработанных денег по хоздоговорам и «послушание» руководству, а в действительности процедура проведения конкурсного отбора четко регламентирована как федеральным законодательством, так и локальными актами ТГУ. Так, требованиями к квалификации на должность преподавателя, установленными приказом Минздравсоцразвития № 1н, являются высшее профессиональное образование и стаж работы в образовательном учреждении не менее 1 года, при наличии послевузовского профессионального образования (аспирантура, ординатура, адъюнктура) или ученой степени кандидата наук - без предъявления требований к стажу работы, требованиями к должности старшего преподавателя - высшее профессиональное образование и стаж научно-педагогической

работы не менее 3 лет, при наличии ученой степени кандидата наук стаж научно-педагогической работы не менее 1 года.

Порядок организации и проведения конкурса на замещение должностей профессорско-преподавательского состава, утвержденный решением Ученого совета, устанавливает также в дополнение к указанным квалификационным требованиям рекомендательные требования следующего содержания: на должность преподавателя – стаж работы по профилю кафедры, наличие прочих достижений в профессиональной деятельности, обеспечивающих выполнение университетом аккредитационных показателей, на должность старшего преподавателя - значение индекса Хирша не менее 1,0 по базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), наличие научных публикаций или патентов за последние 5 лет, наличие учебно-методических разработок, электронных обучающих материалов за последние 5 лет, участие в выполнении НИОКТР, ПКР, руководство НИРС, с указанием тематики, результатов работ, наличие прочих достижений в профессиональной деятельности, обеспечивающих выполнение университетом аккредитационных показателей.

Кроме того, рассмотрение документов претендентов проводится несколькими комиссиями в несколько этапов, что исключает возможность субъективного и несправедливого отношения к претенденту. Так, первоначально все документы направляются начальнику управления по работе с персоналом для рассмотрения конкурсных документов и оформления заключения на заявлении о допуске к участию в конкурсе, затем конкурсные документы с заключением на заявлении о допуске к участию в конкурсе направляются на подпись ректору, затем конкурсные дела передаются для рассмотрения кадровой комиссии Ученого совета, затем заведующему кафедрой и проводится обсуждение претендентов на заседании кафедры, и только потом проводится заседание совета института.

То есть в данных статьях перечисляются несуществующие критерии для прохождения по конкурсу и умалчивается целый ряд реально существующих,

документально зафиксированных критериев, вследствие чего создается искаженная картина действительности и преподносится в таком виде читателю, что свидетельствует о применении стратегии «информационного перекося».

Сами названия статей, не говоря об их содержании, свидетельствуют о намеренном раздувании конфликта со стороны редакции, как-то: «Скандал в ТГУ», «Скандал в ТГУ. Часть вторая», «ТГУ выходит на тропу войны?», «Студенты требуют вернуть опального преподавателя».

Как видно из вышеизложенной информации, истец – ТГУ – после выходы вышеуказанных публикаций предпринял попытку досудебного урегулирования спора, направив в редакцию газеты с просьбой о реализации своего предусмотренного законодательством права на ответ, опровержение, при этом подготовленный текст ответа с опровержением не соответствующей действительности информации был приложен к письму. Но ответчик отказал истцу в реализации его законного права, более того, сделал и из этого законного требования негативный информационный повод, выпустив еще одну статью, где интерпретировал законное требование истца в нелицеприятном свете, указав, что «в пространном письме ректор ТГУ ... затребовал права на ответ, утверждая при этом, что данный ответ должен быть опубликован непременно на правах опровержения», «нашумевшая статья вызвала острую реакцию руководства вуза», и озаглавив статью «ТГУ выходит на тропу войны». То есть совершенно обоснованные и законные требования ТГУ были восприняты негативно ответчиком, да еще и были распространены и изложены в таком свете, что у читательской аудитории явно сложилось мнение не о том, что ТГУ в данном случае действует законно и заявляет о своем праве на ответ, а о том, что ТГУ «остро реагирует», «выходит на тропу войны» и заявляет какие-то нелогичные, не предусмотренные законом требования. Данная статья продолжает характеризовать ТГУ как учреждение, нарушающее законодательство, да еще и остро реагирующее на попытки «вывести его на чистую воду».

Именно это и подразумевалось нами при написании тезиса о том, что добиться ответственности для ответчика и защитить свое право на доброе имя без обращения в суд практически невозможно. Хотя законом предусмотрены и подробно регламентированы и досудебные способы защиты в виде права на опровержение, ответ, реплику. Но, к сожалению, не все средства массовой информации и иные субъекты гражданских правоотношений относятся уважительно к нормам действующего законодательства, и готовы пойти на нарушение закона ради своих целей.

Именно поэтому ТГУ после последней публикации обратился за судебной защитой.

В судебном порядке истцом было доказано несоответствие распространенных сведений действительности, порочащий характер и факт распространения. Судом не назначалась лингвистическая экспертиза и не привлекался в качестве эксперта лингвист-эксперт, суд посчитал возможным сделать выводы и принять решение на основании представленных статей и документов, подтверждающих несоответствие действительности изложенных сведений. Как мы указывали выше, ответчик со своей стороны не представил ни одного доказательства соответствия действительности изложенной информации, и, как и практически во всех судебных заседаниях, истец доказывал не только факт распространения сведений и их порочащий характер, но также и то, что сведения не соответствуют действительности. К сожалению, именно такая позиция судов встречается в большинстве случаев при рассмотрении дел о диффамации – позиция ответчика достаточно пассивна, а истец, обратившись в суд, вынужден доказывать не только то, что указано законодательством для истца по данной категории дел, но и то, что должен доказывать ответчик – соответствие или несоответствие изложенных сведений действительности. Но так как истец в данном случае является заинтересованным лицом в вопросе вынесения положительного решения, то он и доказывает все: и свою позицию и то, что должен доказывать ответчик.

По данному конкретному делу истцом был предложен для размещения на сайте и в газете ответ следующего содержания:

«Тольяттинский государственный университет обратился в Автозаводский районный суд г. Тольятти Самарской области с иском о защите деловой репутации и признании недействительными сведений, распространенных в рекламно-информационной газете «Тольяттинский навигатор». В итоге ТГУ и газета «Тольяттинский навигатор» пришли к мировому соглашению, и поэтому газета публикует настоящий ответ ТГУ.

Так, в первой из указанных публикаций, содержится как минимум десять формулировок негативного характера, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию университета.

В данной статье указано, что, по мнению министерских работников, ученый должен кому-то себя продавать, и чем больше и дороже – тем успешнее он с точки зрения чиновников. Тот кто себя (свои научные изыскания) продать не может или не хочет, должен быть признан неэффективным и лишен возможности работать в вузе.

В действительности, подобных требований о продаже ученых себя больше и дороже и лишения в противном случае права работать в ВУЗе, к ВУЗам не предъявляются.

Также в статье указано, что в российских вузах самыми важными аргументами в кадровой политике становятся хрустящие купюры.

В Тольяттинском государственном университете прием и увольнение работников производится в строгом соответствии с действующим законодательством, процедура четко регламентирована нормативными актами. Так, согласно ст. 332 ТК РФ, заключению трудового договора на замещение должности научно-педагогического работника в образовательной организации высшего образования, а также переводу на должность научно-педагогического работника предшествует избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности.

Положением о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении РФ, утвержденным приказом Минобрнауки РФ от 26.11.2002 года № 4114, установлено, что заключению трудового договора предшествует конкурсный отбор претендентов, и регламентирован порядок проведения конкурсного отбора. Обсуждение и конкурсный отбор претендентов на должности научно-педагогических работников проводятся на ученом совете вуза (ученом совете, совете факультета, филиала). Решение по конкурсному отбору принимается по результатам тайного голосования. Успешно прошедшим конкурсный отбор считается претендент, получивший путем тайного голосования наибольшее число голосов членов ученого совета (совета), но не менее половины плюс один голос от числа принявших участие в голосовании при кворуме не менее 2/3 списочного состава ученого совета.

При проведении конкурсного отбора в голосовании принимают участие коллеги претендента, и при голосовании оцениваются именно профессиональные и личностные качества претендента, его соответствие квалификационным требованиям, показатели работы за отчетный период. Сама процедура тайного голосования как раз и обеспечивает независимость и свободу волеизъявления голосующих, так как невозможно определить, кто проголосовал «за», а кто «против».

В статье указано, что «2 сентября при прохождении конкурсного отбора С. был уволен из ТГУ, а Ц. не допустили к должности старшего преподавателя».

Во-первых, С. был уволен не при прохождении конкурсного отбора, а в связи с непрохождением конкурсного отбора, в результате неизбрания по конкурсу, что является обязательным основанием для увольнения согласно трудового законодательства.

Информация о том, что «со слов Ц. ему дали понять, если он и дальше будет поддерживать взбунтовавшегося коллегу и не поменяет свою позицию, его также ждет увольнение» неверна, так как никаких угроз подобного со-

держания в отношении Ц. не было. Кроме того, заключение и расторжение трудовых договоров в ТГУ производится в соответствии с трудовым законодательством, а не в связи с поддержанием «взбунтовавшихся коллег».

Указание в статье на то, что «хоздоговорные темы» являются главным критерием для всех преподавателей при продлении с ними трудовых отношений, повышении в должности и, соответственно, зарплаты» неверно, так как продление трудовых отношений с преподавателями или повышение в должности (перевод на иную должность) возможно только при прохождении конкурсного отбора, в соответствии с квалификационными требованиями, установленными законодательством.

В статье указано, что «Максимальный срок (трудового договора) пять лет, но он лишь для избранных. Они же решают, сколько лет будет работать преподаватель до следующего конкурса – год, два, три или пять. При этом преподавателей постоянно увольняют перед датой окончания срока договора, а после конкурса – если прошел – принимают вновь».

В действительности, согласно ст. 332 ТК РФ, трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора.

При этом срок трудового договора определяется сторонами – работодателем и работником – при заключении договора, а не членами совета института. Перед датой окончания срока трудового договора преподаватели никогда не увольняются, они увольняются только по истечении срока трудового договора в связи с непрохождением по конкурсу, в случае прохождения по конкурсу срок действия трудового договора продлевается, расторжения трудовых отношений не происходит.

В статье указано, что «такие незаурядные люди, как мастер спорта по пауэрлифтингу, многократный победитель и призер соревнований различного уровня Ц., числятся в первых рядах на отстранение от преподавательской

работы со студентами», но никакого отстранения от преподавательской работы со студентами в отношении С. и Ц. не планировалось и не было.

В статье указано, что «ближайшая судьба Ц. покажет, что главнее в кадровой политике ТГУ: личностные и профессиональные качества преподавателя или же его лояльность к руководству и умение прогнуться под систему», но кадровая политика ТГУ строится на соблюдении квалификационных требований к преподавателям, установленных законодательством, соблюдении установленной процедуры конкурсного отбора, а «умение прогнуться под систему и лояльность к руководству» не являются параметрами, учитываемыми при заключении или продлении трудовых отношений.

Но, к сожалению, судом не был утвержден к размещению представленный истцом вариант ответа, что повлекло впоследствии следующие нарушения.

Так, ответчик вместо согласованного текста вставил в текст ответа преамбулу и послесловие, где указал - данный текст (ответ на статьи) является личным мнением юридического отдела и администрации ТГУ, редакция газеты никакого отношения к нему не имеет и ответственности не несет. То есть даже в этом случае, при выполнении решения суда, редакция газеты всеми способами постаралась изложить ответ ТГУ не как ответ, предусмотренный нормами действующего законодательства, а как нечто своевольное со стороны ТГУ, к чему редакция не имеет никакого отношения, и что редакцией после такого изложения подразумевается как нечто неправильное, навязанное ей сверху и самой редакцией не одобряемое и не поддерживаемое. Остается добавить, что ответ ТГУ, размещенный на интернет-сайте редакции, находился там всего один день, а сами статьи, ответ на которые размещался, продолжают находиться на сайте и сейчас, спустя два года после самого события. Самое интересное, что после возбуждения исполнительного производства истцом и попытки доказать, что решение суда не исполнено, так как, во-первых, согласованный сторонами текст ответа, не подлежащий изменению, был самовольно изменен и дополнен ответчиком, а во-вторых,

ответ был размещен на очень короткий срок, что нивелирует сам факт его размещения, судебные приставы посчитали, что решение суда исполнено надлежащим образом и окончили исполнительное производство. То есть и здесь мы наблюдаем такое же отношение к ответственности за диффамацию, как и в суде – когда значение такого правонарушения, как гражданско-правовая диффамация, обесценивается или недооценивается судебными органами или службой судебных приставов, что еще больше усложняет возможность восстановить нарушенные права и интересы истца в случае данного правонарушения.

И в данном случае мы видим успешный пример ухода ответчика от ответственности за гражданско-правовую диффамацию – сначала отказ от досудебного урегулирования спора, размещения ответа на публикацию несмотря на то, что данное право истца предусмотрено законом, затем даже после судебного разбирательства размещение согласованного сторонами ответа с внесением своих правок и коррективов, меняющих смысл ответа и восприятие его читательской аудиторией. И, наконец, размещение ответа на интернет-сайте всего на несколько часов и оставление всех статей с событием диффамации без изменения и бессрочно.

Конечно, такое отношение к закону и решениям суда, правам и законным интересам других лиц усложняет возможность привлечения к ответственности за диффамацию и фактически дискредитирует само понятие ответственности за данный вид правонарушений.

Опровержение во многом схоже с опубликованием ответа, но имеет и свои различия. Так, публикация ответа подразумевает активное участие лица, которому причинен вред (истца) в реализации восстановления своих нарушенных прав (например, выступление на радио/телевидении с определенным текстом ответа), а в случае опровержения реализация его лежит на причинителе вреда (ответчике).

Интересно, что существует судебная практика о том, что одной из форм опровержения является удаление диффамационной информации с интернет-

сайта. Но с такой позицией сложно согласиться. Представляется, что речь идет о двух равнозначных способах защиты, дополняющих, но не заменяющих друг друга. Представляется очевидным, что сохранение на сайте опровергнутой истцом диффамационной информации создает ситуацию по продолжающемуся умалению чести, достоинства и деловой репутации и фактически сводит на нет и результат судебного разбирательства по признанию не соответствующими действительности порочащих сведений и сам факт опровержения данной информации. Но, к сожалению, такое недобросовестное поведение со стороны ответчика встречается достаточно часто, поэтому необходимо еще в процессе судебного разбирательства четко и конкретно формулировать искивые требования. Ведь если помимо требования о признании сведений не соответствующими действительности и их опровержении заявлено также требование об удалении порочащей информации с сайта, то в случае неисполнения требований в части оставления информации на сайте, возможно привлечение ответчика к ответственности за невыполнение решения суда.

Но, несмотря на многообразие форм реализации опровержения и законные основания для использования данного вида защиты, эффективность его в современном российском праве невысока. И это обусловлено рядом причин. Во-первых, с опровержением может ознакомиться не весь круг лиц, среди которых были распространены порочащие сведения. Не исключена также вероятность, что вообще никто из тех, кто ознакомился с порочащими сведениями, не будет ознакомлен с опровержением. Во-вторых, само опровержение может быть воспринято читателями не как истина, восстанавливающая нарушенную справедливость, а как попытка обелить конкретного человека или организацию, и вызовет еще более негативное отношение к объекту распространенных сведений.

И, в-третьих, опровержение не принесет никаких дополнительных возможностей для лица – объекта диффамации – воздействовать на аудиторию в

целях реабилитации своего доброго имени, чести, достоинства и деловой репутации.

Именно поэтому опровержение как способ судебной защиты будет эффективным только в судебном порядке и только в том случае, если его текст, желательно в виде резолютивной части решения суда, будет опубликован в популярном периодическом издании информационного характера, имеющем большую читательскую аудиторию и пользующемся доверием и уважением среди читателей. И только в этом случае опровержение станет не только мерой ответственности, но и эффективной предупредительной мерой гражданско-правовой ответственности в отношении ответчиков- автора и распространителя диффамационных сведений. В остальных случаях сама цель опровержения в виде восстановления нарушенных прав может остаться недостигнутой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что опровержение как способ защиты от диффамации эффективно только в судебном порядке и только в случае, если его текст в виде резолютивной части решения суда будет опубликован в популярном периодическом издании информационного характера, имеющем большую читательскую аудиторию и пользующемся доверием и уважением.

Выводы к 1 главе.

1. Диффамация – это гражданско-правовое правонарушение, выражающееся в распространении порочащих сведений (утверждений о фактах реальной действительности), не соответствующих действительности и умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию физических и юридических лиц.

2. Состав гражданско-правовой диффамации:

- факт распространения ответчиком сведений об истце,
- порочащий характер этих сведений,
- несоответствие их действительности.

3. Защита от диффамации возможна способами, предусмотренными законодательством и имеющими положительную практику применения.

4. Опровержение как способ защиты от диффамации эффективно в судебном порядке в случае, если его текст в виде резолютивной части решения суда опубликован в популярном и уважаемом периодическом издании информационного характера.

ГЛАВА 2. ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ ДИФФАМАЦИИ

2.1. Распространение порочащей информации о ТГУ

Как уже было рассмотрено выше, без судебной защиты от гражданско-правовой диффамации восстановление нарушенных прав и интересов истца представляется достаточно затруднительным. Добровольно, до обращения в суд и принятия судом соответствующего решения, практически никто из ответчиков, допустивших распространение не соответствующей действительности порочащей информации, не намерен восстанавливать нарушенные им права и интересы других лиц путем признания допущенной диффамации, размещения опровержения, ответа, реплики или, более того, принесения извинения.

И истцу не остается иного выхода кроме как обратиться в суд с иском о признании сведений не соответствующими действительности. В этом случае наиболее эффективным способом защиты от диффамации является юрислингвистический с привлечением лингвистов-экспертов.

Рассмотрим данную ситуацию на примере судебной практики Тольяттинского государственного университета.

В 2013 году в газете «Навигатор» в статье «А.К.: М.К. хорошо поет...» было опубликовано интервью с председателем профкома сотрудников ТГУ К., в котором были распространены сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию Тольяттинского государственного университета. Рассмотрим их.

1. В спорной публикации было указано, что при принятии локального нормативного акта о нормах времени *«никто даже и не вспомнил, что в таких случаях необходимо обращаться в профсоюзный комитет, в нарушение всех процедур был выпущен соответствующий приказ, комиссия областного комитета также увидела в действиях М.К. явные нарушения»*.

Данная информация не соответствует действительности, так как при издании приказа процедура учета мотивированного мнения профсоюзной организации, предусмотренная трудовым законодательством, была соблюдена в полном объеме: было запрошено мотивированное мнение профсоюзного ко-

митета, при получении мнения были назначены и проведены дополнительные консультации, что подтверждается перепиской истца с ответчиком.

Так, была проведена следующая процедура согласования:

- 06.06.2012 года председателю профкома был направлен для рассмотрения проект Положения о нормах времени с приложением обоснования по данному проекту (исх. № 2539 от 06.06.2012 года);
- 08.06.2012 года от председателя профкома получено письмо о назначении на 14.06.2012 года заседания профсоюзного комитета по вопросу рассмотрения проекта Положения о нормах времени и просьбой направить представителей администрации;
- 14.06.2012 года состоялось указанное заседание с обсуждением данного вопроса, председателем профкома было представлено администрации университета мотивированное мнение о невозможности принятия данного положения;
- 14.06.2012 года председателю профкома было вручено письмо (исх. № 2638 от 14.06.2012 года) о проведении дополнительных консультаций в целях достижения взаимоприемлемого решения, так как мотивированное мнение выборного органа первичной профсоюзной организации не содержит согласия с проектом локального нормативного акта (ст. 372 ТК РФ) и назначении их на 15.06.2012 года у проректора по учебной работе;
- 15.06.2012 года дополнительные консультации были проведены, взаимоприемлемое решение достигнуто не было, и работодателем был принят данный локальный акт – Положение о нормах времени, так как ст. 372 предусмотрено право работодателя принять локальный акт при недостижении согласия с профкомом в результате проведения всех процедур согласования.

Кроме того, комиссией областного комитета не было выявлено ни одного нарушения при принятии данного локального нормативного акта, как и в самом локальном акте, что подтверждается актом проверки комиссии.

2. Указано, что *«год назад в ТГУ было 900 преподавателей, сейчас их количество уменьшилось примерно на 150 человек, при том, что количество*

студентов практически не изменилось». Данные сведения не соответствуют действительности в полном объеме, так как количество студентов за последний год значительно изменилось: так, по состоянию на 01.06.2012 года количество студентов составляло 11 733 человека, по состоянию на 01.06.2013 года – 10 890 человек, то есть уменьшение составило 10 процентов, что для ВУЗа является значительным уменьшением.

3. Указано, что в результате сокращения штатов были высвобождены денежные средства, но *«сэкономленные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям, на это израсходовали не самую большую часть, но остальное ушло на укрепление материального положения административно-управленческого аппарата, где количество работающих за последние четыре года не сокращалось, а только увеличивалось».* В действительности, все сэкономленные денежные средства, а именно: высвободившийся в результате сокращения штата фонд оплаты труда в полном объеме был направлен на повышение заработной платы сотрудникам из числа профессорско-преподавательского состава (ППС). Так, по состоянию на 01.01.2012 года количество штатных единиц ППС составляло 854,36 единицы, фонд оплаты труда в месяц составлял 12 707 630,01 руб., по состоянию на 01.09.2013 года количество штатных единиц ППС составляет 556,38 единицы, фонд оплаты труда в месяц составляет 12 848 386,40 руб., то есть фонд заработной платы ППС не только не уменьшился, как указывает в интервью К., но и увеличился на 140 756,39 руб.

4. Указано, что *«были нарушения при выборах самого К., была нарушена процедура, и прокуратура определила, что нарушения есть».* В действительности, по заявлению К.А.В. о нарушениях по выборам ректора К. была проведена прокурорская проверка, ТГУ представлялись все необходимые пояснения и документы, но не было выявлено ни одного нарушения, что подтверждается в том числе отсутствием представления или требования прокуратуры.

Указанные в статье-интервью К.А.В. сведения о том, что в ТГУ локальный нормативный акт принят без согласования с профкомом содержат утверждения о нарушениях в ТГУ трудового законодательства, ненадлежащем исполнении сотрудниками должностных обязанностей по соблюдению законодательства; сведения о том, что сэкономленные в результате сокращения штатов денежные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям содержат утверждения о совершении нечестного поступка, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности; сведения о якобы допущенных нарушениях при выборах ректором К. содержат утверждения о нарушениях в ТГУ законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни. Таким образом, все приведенные сведения являются порочащими и не соответствующими действительности.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3, в силу п.1 ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и также порочащий характер этих сведений.

Вместе с тем, ТГУ представлены доказательства того, что распространенные сведения не соответствуют действительности, как-то: подтверждения согласования локального акта с профкомом, подтверждения направления денежных средств на повышение заработной платы ППС в полном объеме, подтверждение значительного уменьшения количества студентов.

С учетом вышеизложенного распространенные сведения о нарушении действующего законодательства, совершении нечестных поступков сотрудниками, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности порочат деловую репутацию Тольяттинского государственного университета.

Таким образом, сведения, распространенные К.А.В. при даче интервью и последующем опубликовании его в газете «Навигатор», не соответствуют действительности, так как содержат утверждения о фактах, не имевших место в реальности, и носят порочащий характер, так как содержат утверждения о нарушении истцом действующего законодательства.

И с изложением всех вышеуказанных фактов, с приобщением доказательств в виде документов, на которые сделаны ссылки, ТГУ обратился в суд с исковым заявлением о защите деловой репутации юридического лица и просьбой обязать ответчика опровергнуть заведомо ложные сведения, порочащие деловую репутацию истца, распространенные в данном им интервью в газете «Навигатор», путем публикации опровержения в том же издании. Ни требования о компенсации причиненного ущерба, ни требования о компенсации морального вреда (согласно судебной практике, нормы о компенсации морального вреда могут распространяться также и на юридических лиц) заявлено не было. Целью искового заявления было лишь восстановление законного права на доброе имя и деловую репутацию юридического лица.

Обращаем внимание на то, что в данном случае истец не стал полагаться на возложенную законодателем на ответчика обязанность доказать соответствие действительности распространенных сведений, а самостоятельно представил доводы и документы, подтверждающие несоответствие действительности распространенных сведений, причем не в процессе судебного разбирательства, а сразу в исковом заявлении.

Интересны способы защиты от обвинений, примененные ответчиком. Ответчик не стал доказывать соответствие действительности распространенных сведений, может быть, потому, что знал об их несоответствии действительности заранее, может быть, увидев четкие и объективные доводы, приведенные в исковом заявлении. В своем отзыве на исковое заявление ответчик придерживался следующего:

- истец не доказал порочащего характера распространенных сведений;

- сведения излагались не в форме утверждения, а в форме мнения, суждения;

- информация излагалась ответчиком по-другому, но была неверно истолкована и изложена журналистом, бравшим у ответчика интервью;

- ТГУ является бюджетным образовательным учреждением, а не коммерческой организацией, следовательно, не имеет права на защиту деловой репутации;

- изложенные сведения относились не к тому периоду, в отношении которого истец представил доказательства несоответствия их действительности, а совершенно к другому периоду времени, когда они соответствовали действительности.

То есть ответчик даже и не пытался доказать соответствие изложенных им сведений действительности, пытаясь уйти от ответственности иными способами.

Данные доводы не могли помочь уходу ответчика от ответственности, так как являлись надуманными и опровергались следующими материалами дела и нормами законодательства.

Ответчик указывает, что его утверждение о нарушении ТГУ процедуры утверждения норм времени относится ко времени до 06.06.2012 года. Но данное утверждение относительно указанного времени также не соответствует действительности, что подтверждается следующим обстоятельством. 27.04.2012 года в адрес К.А.В. был направлен проект Положения о нормах времени с изложенным в тексте сопроводительного письма обоснованием. В ответ на это от К.А.В. 28.04.2012 года поступило письмо с просьбой представить обоснование изменения норм времени, и 10.05.2013 года более подробное обоснование было направлено в профком. В ответ 11.05.2013 года К.А.В. было направлено письмо №42 на имя и.о. ректора о заседании профкома 16.05.2013 года в ауд. Г-315 с повесткой дня: «О мотивированном мнении на проект Положения о нормах времени для планирования учебной и других видов работ, выполняемых ППС». Также затем в своем письме № 45

от 17.05.2013 года на имя ректора К.А.В. указывает, что «согласно ст. 372 ТК РФ, работодатель в случаях, предусмотренных ТК РФ, перед принятием решения направляет проект локального нормативного акта и обоснование по нему в выборный орган первичной профсоюзной организации, представляющей интересы всех работников. Такие письма были направлены в первичную профсоюзную организацию ТГУ 27.04.2013 года № 1952 и 10.05.2013 года № 2067». Следовательно, и до 06.06.2013 года мнение профкома запрашивалось, что подтверждается документально, и даже подтверждается самим ответчиком в тексте написанных им писем.

Ответчиком в отзыве сделан вывод о том, что истцом не доказан порочащий характер сведений, изложенных в статье. Но указанное ответчиком в интервью якобы отсутствие согласования локального акта с профсоюзным органом свидетельствует о несоблюдении ст. 162, 372 ТК РФ, то есть о нарушении ТГУ действующего законодательства. И несоблюдение трудового законодательства при отсутствии согласования локального акта с профсоюзом, и нарушение процедуры при выборах ректора являются нарушениями действующего законодательства, что согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3 однозначно свидетельствует о порочащем характере данных сведений. Сведения о том, что денежные средства, высвобожденные в результате сокращения штатов, не в полном объеме были направлены на заработную плату ППС, свидетельствуют о совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности, что также согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3 однозначно подтверждает порочащий характер данных сведений.

В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие дей-

ствительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Указанные в статье утверждения о фактах не являются оценочными суждениями или мнением ответчика, так как соответствие действительности указанных фактов можно проверить. Так, можно точно установить, принимался ли локальный акт в одностороннем порядке, когда «никто даже и не вспомнил, что необходимо обращаться в профсоюзный комитет», и данное утверждение легко опровергнуть, представив подтверждение фактов обращения в профсоюзный комитет, что и было сделано истцом.

Также легко можно установить несоответствие действительности утверждений о направлении высвободившихся денежных средств на зарплату преподавателей или администрации – сравнив уровни заработной платы той и другой категории работников до сокращения штатов и после. Данный анализ представлен истцом в полном объеме и подтверждает несоответствие действительности утверждений ответчика, в то время как ответчиком обоснованность и соответствие действительности его утверждений ничем не подтверждена.

Что касается указания ответчика на тот факт, что ТГУ является некоммерческой организацией, то согласно ст. 152 ГК РФ право юридического лица на защиту деловой репутации никак не зависит от того, является юридическое лицо коммерческой или некоммерческой организацией.

Согласно Современному экономическому словарю, деловая репутация - оценка юридического лица со стороны смежников, контрагентов, потребителей; представление партнеров о юридическом лице, благоприятствующее его деятельности и учитываемое в условиях хозяйствования; "доброе имя" юридического лица [Райзберг 2011, с.54].

Не соответствующие действительности порочащие сведения о ТГУ напрямую влияют на оценку ТГУ со стороны потребителей – лиц, получающих образовательные услуги, со стороны контрагентов, и портят представление о ТГУ со стороны потребителей и партнеров в условиях рынка образовательных услуг. Деловая репутация и престиж ТГУ – это нематериальное благо, принадлежащее ВУЗу и охраняемое законом, и ТГУ вправе требовать защиты деловой репутации в судебном порядке.

Распространенная ответчиком порочащая информация формирует негативное представление о ТГУ, дает основание обучающимся, абитуриентам, их законным представителям, работникам и партнерам ВУЗа, муниципальным и государственным органам усомниться в соблюдении законодательства в деятельности ТГУ, в том числе в деятельности администрации ТГУ, в добросовестности руководства ТГУ в трудовых отношениях с работниками, в том числе в вопросах сокращения численности и повышения заработной платы.

Вывод из вышеизложенного следующий: наиболее эффективным способом защиты от диффамации является юрислингвистический с привлечением лингвистов-экспертов для проведения лингвистической экспертизы.

2.2. Юрислингвистический анализ распространенной информации

Юрислингвистический способ защиты от диффамации предполагает использование специальных знаний, находящихся на стыке лингвистики и юриспруденции – юрислингвистических, и проведение специфического вида исследования – лингвистической экспертизы.

Рассмотрев искивые требования ТГУ, суд принял решение о необходимости назначения лингвистической экспертизы и постановки перед экспертом следующих вопросов:

1. Имеются ли в тексте статьи «А.К.: М.К. хорошо поет...», опубликованной 02.07.2013 г. в газете «Навигатор», негативные сведения о Федераль-

ном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет» и о его деятельности? В каких конкретно высказываниях содержатся эти сведения и какова их смысловая направленность?

2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет», то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?

3. Подтверждает ли лингвостилистический анализ текста, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет» действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов, которые могут быть проверены на соответствие действительности?

Если в представленном материале содержится негативная информация и сведения о Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет», то воспринимается ли эта информация как умаляющая деловую репутацию указанного лица?

4. Имеются ли в статье оценочные суждения, мнения, относящиеся к Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»? Если имеются, то в каких конкретно высказываниях они содержатся?

Экспертизу проводила Кара-Мурза Елена Станиславовна (специальность «10.01.10 – Журналистика», научный лингвистический стаж – 27 лет), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, кандидат филологических наук, доцент кафедры

стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова.

Для решения поставленных вопросов использовались различные методы (в частности, дискурсивно-лингвистический и текстлингвистический). Для решения поставленных вопросов использовались также методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, медиастилистике, коммуникативистике, теории журналистики. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС.

Поставленные перед экспертом вопросы взаимосвязаны и разрешались совместно.

Кроме того, в соответствии с возможностями экспертной инициативы и в рамках экспертной компетенции, были уточнены некоторые формулировки из вопросов, поставленных судом, в частности, в вопросах везде рядом со слишком широким обозначением «статья» поставлено конкретное жанровое обозначение текста – «интервью».

До ответа на поставленные вопросы, экспертом был проведен анализ всего текста, представленного на экспертизу. Лингвистическая экспертиза предполагает исследование конфликтогенного текста как целого речевого произведения, созданного автором с определенной целеустановкой (иначе говоря, с определенной смысловой направленностью), которая predetermined общими целями информирования и воздействия в данной сфере коммуникации. Такой текст создается в манере, которая отвечает закономерностям словесного творчества в этой сфере, включая жанровые; размещается в издании, которое выполняет определенную и типичную функцию на информационном рынке. Все эти обстоятельства рассматриваются в современной лингвистике как экстралингвистические факторы, которые

обуславливают создание текста и влияют на восприятие читательской аудитории, создавая для нее некий «горизонт ожиданий», в пределах которого возникает индивидуальное восприятие текста, индивидуальная реакция на его содержание. Напомним, что реакция на словесное произведение вероятностна и проблематична; информационные и воздействующие цели, поставленные автором, могут не быть понятыми, а будучи понятыми – остаться не разделенными аудиторией, а планируемые автором эффекты – остаться нереализованными или получить парадоксальную реакцию. И наоборот, реципиент может вычитать из текста совсем не те смыслы и намерения, которые в него вкладывал автор; особенно если реципиент является персонажем критического журналистского выступления.

Данный текст относится к аналитической журналистике, создан в жанре проблемного интервью. Журналист С.Р. делает **темой** своей статьи конфликтную ситуацию – сокращение педагогических кадров в ТГУ и перераспределение фонда заработной платы. В нее вовлечены, как это явствует из текста, помимо администрации и преподавателей, и профсоюзные инстанции (вузовский профком и областная организация), а также – косвенно – административно-управленческий аппарат. В качестве **проблемы** журналист выбирает то, как осуществлялись эти кадрово-управленческие действия и какие последствия они возымели. Он сразу и четко обозначает свое критическое отношение ко всему этому, во вступительном абзаце публикации назвав этот вуз «кузницей скандалов».

Чтобы рассказать читателям своей газеты, тольяттинским горожанам, об этой конфликтной ситуации, он выбрал человека не со стороны администрации, а с профсоюзной - его собеседником стал председатель ассоциации профсоюзных организаций Тольятти, глава профкома сотрудников ТГУ А.К. (как он представлен во вступительном абзаце), сам уволенный «по сокращению штата» (эту информацию журналист доносит до аудитории, когда задает собеседнику первый вопрос), т.е. человек, знающий ситуацию изнутри и непосредственно на себе ощутивший ее негативные проявления,

а значит (что весьма вероятно и весьма понятно), испытывающий по отношению к ней негативные чувства, проявляющиеся в его интерпретации событий.

Интервью с ним напечатано в газете «Тольяттинский навигатор»; оно большое, «полосное» (на целую страницу) и размещено в рубрике ЭКСКЛЮЗИВ — это показатель важности гостя издания и значимости журналистской публикации.

Издание, в котором опубликовано интервью, типологически относится к рекламно-информационным, основная цель которых — предоставление площади для городской коммерческой рекламы. Но в таких газетах в специальных рубриках печатаются и произведения информационного, развлекательного или проблемного характера (как в данном случае), чтобы разнообразить контент и сделать издание более привлекательным для аудитории, а следовательно, для рекламодателей.

Текст имеет отчетливую **критическую направленность; целеустановка текста — это нелицеприятная критика ситуации**, сложившейся в ТГУ вокруг занятости профессорско-преподавательского состава, точнее — вокруг его сокращения и перераспределения фонда оплаты труда, а также, шире, вокруг проблем способов управления в ТГУ под руководством нынешнего ректора М.К. Анализ текста показывает, что журналист и интервьюируемый разделяют критическую точку зрения на происходящее в ТГУ.

Объектом критики в тексте является деятельность, во-первых, обобщенного институционального персонажа — университета, ТГУ; во-вторых, индивидуального персонажа — ректора М.К.. Как часто бывает в журналистской аналитике, в тексте затронута не одна тема и ставится не одна проблема — по мере изложения они становятся выше по уровню обобщения. Его исходная тема — кадровая и связанная с ней финансовая политика ТГУ (увольнение преподавательского состава, в том числе самого ньюсмейкера, нагрузка, зарплата, оформление кадровых перестановок

без согласования с вузовским профсоюзом – об этом говорит А.К.); она отображена в диалогических блоках с1-го по 4-й. Тема более высокого уровня – характер управления в ТГУ, связанный с приближающимися переизборами ректора; она раскрывается в блоках 5-10. Проблема, которая ставится в начале интервью, – это нарушения в кадровой политике (увольнения, не согласованные с профкомом). Финальная проблема – «авторитарный», «военный» стиль управления университетом, который практикуется его ректором М.К. (см. ответ А.К. в 6-м блоке). Ключевые фразы, в которых формулируются обе проблемы, продублированы в публикации с помощью выноски (особого оформительского приема, см. ниже). В своей критике А.К., деятель городского вузовского профсоюзного движения, опирается на такие безусловные ценности, как справедливость, законность, а также демократичность управления высшей школой.

Тематика и проблематика интервью имеют локальный – городской, тольяттинский – уровень; правда, в последнем абзаце собеседники обсуждают перспективу создания в Самаре федерального университета, выходя таким образом на уровень региональный – но эта тема только затронута и не разработана, в отличие от вышеупомянутых.

Важным компонентом содержания является **идея** – путь, алгоритм решения проблемы, отчетливо предлагаемый или хотя бы намечаемый автором. В жанре интервью право формулировать основную идею признается за интервьюируемым; журналист может высказать свою. В данном интервью позитивная идея (способ улучшения критикуемой ситуации) не просматривается. Наоборот, создается впечатление безысходности, невозможности разрешить ни одну проблему: документов, которые могли бы доказать незаконный характер предыдущих выборов ректора, нет – «они куда-то пропали» (см. ответ А.К. в 8-м блоке); а надежды на то, что в городе появится один большой хороший вуз и будет выпускать хороших специалистов, у интервьюируемого «уже нет» (см. ответ в 10-м блоке).

Текст интервью выстроен и оформлен традиционно для современной газеты. Он «комплектуется» 10 диалоговыми блоками, причем доля журналистского текста в них мала — в полном соответствии с жанром: журналист задает короткие «острые» вопросы, а собеседник дает на них развернутые ответы.

В верстке интервью использованы разные средства информирования и одновременно привлечения внимания читателей. Это фотоиллюстрация: текст снабжен портретной фотографией интервьюируемого, А.К., в рабочей атмосфере (в аудитории или в офисе). Это текстовые выноски — элементы газетного дизайна, набранные более крупным кеглем, чем сам текст, и помещенные в рамку; они дублируют важные фрагменты текста в специальных рамках и крупным шрифтом, тем самым акцентируя новости или оценки. В данном интервью выносок две, они расположены в ключевых местах полосы (под фотографией А.К. почти по центру и в нижнем правом углу) и снабжены специальным значком, привлекающим внимание, — стилизованным восклицательным знаком.

Газетный заголовок рассматривается как особый композиционный прием уровня целого текста; он может содержать новость или оценку, он помогает прогнозировать содержание и выявляет авторскую оценку. В данном интервью он оформлен как цитата из речи интервьюируемого и содержит позитивную оценку музыкальных способностей ректора ТГУ М.К.: «А.К.: *«М.К. хорошо поет»*. В контексте эта позитивная оценка воспринимается как ирония: обсуждая работу ректора, привлекать внимание к его способностям, важным не для работы, а для частной жизни, делать акцент на умениях, нерелевантных для компетенции руководителя, - значит косвенно выражать сомнение в его деловых качествах.

Для современных газетных публикаций характерен лид - вводный абзац, который выделяется жирным шрифтом и/ или более крупным кеглем. В нем автор обозначает новостной повод публикации или ставит проблему; в интервью в лиде журналист представляет читателям гостя издания.

В данной публикации лид расположен непосредственно под заголовком и набран тем же кеглем, что и «выноски», образуя тем самым вместе с ними некий «текст в тексте». Содержательно он задает критический тон дальнейшему изложению: в нем автор, журналист С.Р., метафорически и негативнооценочно называет то, что происходит в ТГУ, «кузница скандалов», объясняя их «многочисленными увольнениями», которые «приняли массовый характер». Этот фрагмент (3 предложения) является развернутым главным тезисом текста; а его доказательство, включая выдвижение второстепенных тезисов и доводов к ним, находится в ответах интервьюируемого. **А дальнейшее изложение – интервью целиком, и прежде всего ответы интервьюируемого А.К. на вопросы журналиста, - становится развернутым доказательством этого тезиса, где общая негативная оценка конкретизируется в ряде частных, а также выдвигаются другие обвинения и объясняются все эти оценки.**

Таким образом, негативная оценка, критика разных аспектов деятельности ТГУ и его руководства (точнее - персонально ректора М.К.) проявляется разными текстовыми приемами и средствами: графическими, композиционными, стилистическими.

В результате проведенного лингвистического анализа, лингвистом экспертом были сделаны обоснованные выводы о том, что в интервью С.Р. с А.К. присутствует негативная информация о ТГУ. Перечислим фразы с такой информацией последовательно, по мере развертывания текста, и истолкуем их смысловую направленность.

1.1. В лиде негативная информация содержится в первых трех предложениях: **«Тольяттинский государственный университет превратился в кузницу скандалов. Прежде всего, это связано с многочисленными увольнениями сотрудников. Можно сказать, что за последний год увольнения в ТГУ приняли массовый характер».**

Смысловая направленность этого фрагмента – явная негативная оценка ТГУ, высказанная журналистом. Как любая оценка в журналистике, она предна-

значена для того, чтобы донести до аудитории (в данном случае до читателей «Тольяттинского навигатора») точку зрения автора и/или издания на деятельность некоего социального института (в данном случае – ТГУ) и/или связанных с ним лиц, в том числе руководящих (в данном случае – ректора) и сформировать по этому поводу общественное мнение (в данном случае – критическое, отрицательное).

В лиде журналист дает отрицательную оценку не столько такому показателю деятельности вуза, как увольнение сотрудников, сколько связанным с ним последствиям, которые автор обозначает как СКАНДАЛ, а сам ТГУ по этой причине называет КУЗНИЦЕЙ СКАНДАЛОВ, пользуясь этической шкалой оценок. Кроме того, здесь дана количественная оценка увольнений как массовых.

1.2. В первом диалогическом блоке негативная информация в явном виде содержится в реплике интервьюируемого А.К.

*«Впрочем, в любом случае началась эта история примерно год назад, когда руководство ТГУ решило воплотить в жизнь следующую формулу – сокращаем количество часов, соответственно, сокращаем количество преподавателей, установив новые нормы времени для преподавателей. **Все это было сделано в одностороннем порядке. Никто даже не вспомнил, что в таких случаях необходимо обращаться в профсоюзный комитет. В нарушение всех процедур был выпущен соответствующий приказ. Я на это обратил внимание ректора, приезжала комиссия областного комитета, которая также увидела в действиях М.К. явные нарушения. Приказ был отменен, и действительно, в профсоюзный комитет поступило новое обращение. Мы его посмотрели и пришли к выводу, что подобные действия приведут к уменьшению ставок преподавателей и к их увольнению. При этом количество студентов практически не изменилось. Это означает, что на оставшихся преподавателей увеличилась учебная нагрузка, их труд стал более интенсивным. Мне, например, непонятно, зачем нужно было***

снижать нагрузку преподавателей, увеличивая их число, а затем уменьшать нормы времени с последующим увольнением этих же преподавателей. В данном случае закон, по мнению профсоюзного комитета, был нарушен, что и явилось основой конфликта».

Эти сведения сообщаются интервьюируемым в самом начале интервью, в ответе на первый вопрос журналиста – о причинах увольнения из ТГУ. В этих фразах и частях фраз содержатся негативные сведения о разных сторонах деятельности ТГУ: о негативных изменениях в работе преподавательского состава (*увольнениях и «утяжелении» нагрузки*). Даны оценки того, как неудачно, неправильно и даже незаконно это было организовано (*«в одностороннем порядке», «в нарушение всех процедур», «закон был нарушен»*), а также сообщено, что эти нарушения были замечены вышестоящей профсоюзной инстанцией (*«комиссией областного комитета»*).

Говоря о смысловой направленности этих высказываний в контексте данного фрагмента интервью, следует сначала вспомнить, что это обмен вопросом и ответом, и это первое – «техническое» - содержание этой направленности.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, в каких выражениях сформулированы вопрос журналиста и ответ интервьюируемого профсоюзного деятеля. Задавая своему собеседнику вопрос о причинах увольнения: *«Так почему вас все-таки уволили, если не говорить о формулировке «по сокращению штата», которая является официальной»*, журналист отказывается говорить об официальных причинах; тем самым он намекает, что они чем-то неадекватны. Описывая ситуацию, он пользуется неопределенно-личной конструкцией «увволили», в которой не упоминается, но подразумевается организация-работодатель, т.е. ТГУ. Так возникает намек на что-то недобросовестное в работе структур университета.

В свою очередь интервьюируемый не ответил на вопрос журналиста, а сообщил совершенно другую информацию: *«Я хочу уточнить, что речь идет об увольнении меня как преподавателя, а профсоюзная работа – это*

общественная нагрузка». В этом интервью рассказ об увольнении самого А.К. читатели так и не получают.

Но вслед за тем ньюсмейкер стал рассказывать своему собеседнику о ситуации с увольнениями, фактически давая аргументы для обоснования той негативной, критической оценки, которую журналист сформулировал во вступительном абзаце к интервью: *«Впрочем, в любом случае началась эта история примерно год назад, когда руководство ТГУ решило воплотить в жизнь следующую формулу...».* Он рассказывал об этом, рассуждая о прошедших событиях, высказывая критику, приводя негативные примеры. Он неоднократно охарактеризовал все изменения и нагрузкой и весь ход увольнений, пользуясь правовыми оценками ***(В нарушение всех процедур был выпущен соответствующий приказ. Я на это обратил внимание ректора, приезжала комиссия областного комитета, которая также увидела в действиях М.К. явные нарушения, а также В данном случае закон, по мнению профсоюзного комитета, был нарушен, что и явилось основой конфликта).***

В итоге смысловая направленность данного фрагмента интервью прорывается как совместная критика (прямая и косвенная) журналистом и интервьюируемым деятельности ТГУ и лично его ректора, а еще точнее – как обвинение их в неправильных и незаконных действиях, которое с помощью этого интервью должно стать известным тем, кто читает «Тольяттинский навигатор». Результатом, предположительно, должно стать критическое общественное мнение о деятельности ТГУ в данном конкретном направлении. Однако распространится ли оно на весь ТГУ, будет ли способствовать формированию целостного отрицательного имиджа/ деловой репутации, которое создается отнюдь не только распространением газетной публикации, но и общим информационным фоном в город, и другими приемами формирования образа, в том числе практическим взаимодействием тольяттинцев (сотрудников и членов их семей, студентов и их родителей) с данной вузовской структурой.

1.3. Во втором диалогическом блоке негативная информация содержится и в вопросе журналиста, и в ответе интервьюируемого:

Р. Правильно ли я вас понял, что часть преподавателей уволили для того, чтобы оставшимся поднять зарплату?

К. Так оно и есть, но теория совершенно расходится с практикой. Проблема заключается в том, что сэкономленные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям, на это израсходовали определенную не самую большую часть, но остальное ушло на укрепление материального положения административно-управленческого аппарата, где количество работающих за последние четыре года не сокращалось, а только увеличивалось. Согласитесь, что это как минимум странно.

Негативный характер информации в реплике журналиста относителен: действия, которые в ней отображены, могут интерпретироваться прямо противоположным образом в административной или финансовой, в профсоюзной или в семейной логике. Неоднозначность вообще характерна для информации, которая содержится в этом интервью. Направленность этой фразы прежде всего «техническая» - журналист продолжает диалог, расспрашивает собеседника - профессионала в вузовском образовании, обеспечивает читателей новой порцией информации. А содержательно – он уточняет свое понимание того описания, той интерпретации обстановки в ТГУ, которую в предыдущей реплике сформулировал А.К.. Негативный характер в новой реплике А.К. совершенно явственен – в ней формулируется одна из основных претензий этого профсоюзного деятеля к руководству ТГУ в области трудовых отношений и финансовых потоков. Смысловая направленность такая же, как и в предыдущем обмене репликами: с одной стороны, А.К. отвечает журналисту, подтверждая его восприятие, с другой - разоблачает ***«теорию и практику»*** «формулы» кадровых изменений в ТГУ.

Отметим, что А.К. описывает перераспределение денег, давая ему очень мягкую характеристику по сравнению с теми, которые он давал в

предыдущем абзаце (насчет *нарушения закона*): **«Согласитесь, что это как минимум странно»**. Она сформулирована как стилистический прием эвфемизм.

1.5. В четвертом диалогическом блоке негативная информация содержится в репликах обоих коммуникантов, в фрагментах, выделенных жирным шрифтом:

С первого июля вы больше не преподаватель ТГУ, а с профсоюзной работы вас можно сместить?

– Я думаю, что будут попытки профсоюзный комитет университета «зачистить», и когда в нем останутся только лояльные к ректору люди, меня освободят от занимаемой должности. Будет объявлено о проведении внеочередной отчетно-выборной конференции, где и примут соответствующее решение.

В вопросе журналиста формулировка **«сместить с профсоюзной работы»** звучит как намек на то, что уход А.К. с нынешней руководящей профсоюзной должности будет насильственным и нечестным.

В ответной реплике А.К. подхватывает эту трактовку в выражении **«будут попытки профсоюзный комитет университета «зачистить»** и сам намекает на пособников - некоторых **лояльных людей**. При этом структуры ТГУ или фигура ректора в данном фрагменте уходят на дальний план, «смещение» и «зачистка» подаются как действия неопределенных сил, что выражено, например, с помощью страдательной конструкции: **«Будет объявлено о проведении...»**. Смысловая направленность этих фраз принципиально такая же, как в предыдущей реплике, - это критика деятельности руководящих структур ТГУ, а именно – в области перевыборов руководящих работников вузовского профсоюза, рассчитанная на то, что читатели, узнав, как проходят выборы в профсоюзные структуры ТГУ, разделят с участниками интервью их критическое отношение в данной конкретной деятельности.

1.6. В пятом диалогическом блоке негативная информация содержится в следующем фрагменте из реплики А.К., выделенном жирным шрифтом:

... В ТГУ есть хороший коллективный договор. И конечно, он дает определенные льготы, но в нем не записано, что нельзя сокращать количество часов и увольнять членов профсоюзного комитета.

Эта информация не касается никаких руководящих структур или работников ТГУ, она указывает на то, что в данном вузе недостаточно удачно сформулирован важный профсоюзный документ. Но в этой фразе говорящий никого не обвиняет в таком недостатке – он его констатирует.

1.7. В шестом диалогическом блоке негативная информация содержится в следующих фрагментах, выделенных жирным шрифтом: ***Ж. И в чем же сверхзадача такого поведения ректора ТГУ?***

А.К. У него в следующем году выборы. Конечно, возможно, я преувеличиваю и моя скромная персона для него не представляет никакой угрозы, но мне кажется, что тенденция такая: М.К. решил уволить всех, кто находится в оппозиции к действующему ректору. Ведь уже потеряли свои рабочие места некоторые директора институтов, которые элементарно могли что-то сказать на будущей конференции. Так что сегодня идет планомерная работа по «уборке» всех возможных оппонентов, причем всех, даже тех, кто никогда и не думал выдвигаться на должность ректора. Таким образом поле вычищается от сорняков.

Главным персонажем этого фрагмента является руководитель вуза – истца. В ответ на вопрос о глубинных целях поведения ректора в ситуации с профсоюзными перевыборами А.К. выдвигает свою гипотезу, связанную с перевыборами теперь уже ректора, и предлагает интерпретацию его действий как неэтичных, как «уборки» оппонентов, продолжая прогноз в метафоре «вычищения поля от сорняков».

Смысловая направленность вопроса журналиста – выявить тайные цели действий ректора (негативный оттенок передается театральной метафорой «сверхзадача»), которые были раскритикованы в предыдущих репликах А.К.. Смысловая направленность реплики А.К. – показать журналисту, а через публикацию – и читателям газеты, что профсоюзные дела оказываются од-

ним из направлений деятельности ректора по перевыборам, причем эта деятельность рисуется как неэтичная.

1.7. В шестом диалогическом блоке негативная информация содержится в таком фрагменте большой реплики А.К., выделенной жирным шрифтом:

(...) Что касается сегодняшних дней, то в ТГУ сейчас способ управления можно назвать авторитарным или военным. Есть начальник, который дает команды и требует беспрекословного подчинения. Иногда, конечно, М.К. выходит в народ, но это только ради пропаганды. Если на каком-то собрании кто-то позволит лишнего, то он обязательно будет вызван к ректору и с ним проведут жесткую беседу. После чего человек или перестает быть в оппозиции, или просто увольняется.

Этот рассказ и эти оценки звучат в ответ на просьбу журналиста сравнить «времена правления В.С., С.Ж. и то, что происходит сегодня», «охарактеризовать работу М.К.». Смысловая направленность этого фрагмента на фоне характеристик двух предыдущих ректоров – критически оценить действия нынешнего ректора ТГУ и показать, что его методы работы неэтичны, а соответственно, вызвать в аудитории аналогичное негативное отношение к такому стилю управления в ТГУ, к таким методам работы с кадрами, которые здесь приписываются ректору ТГУ.

1.8. В восьмом диалогическом блоке негативная информация содержится в репликах обоих участников интервью:

Ж. Получается, что и роль профкома сведена к минимуму?

А.К. Раньше были постоянные консультации по заработной плате и условиям труда, сегодня такого уже нет. Все решения принимаются в одностороннем порядке.

Журналист запрашивает подтверждение своему выводу о минимизации роли профкома как одной из важных структур ТГУ – фактически основной обсуждаемой в этом интервью. А интервьюируемый в ответ приводит примеры и сравнивает старые и новые показатели.

Смысловая направленность этого диалогического блока – еще раз показать читателям негативные тенденции в профсоюзной жизни ТГУ.

1.9. В восьмом диалогическом блоке негативная информация содержится и в вопросе журналиста, и в ответе ньюсмейкера.

Ж. Может быть, у вас есть какие-то документы, которые смогли бы уличить ректора в его неправомочных действиях?

А.К. Криминалом я не занимаюсь, а в принципе документы есть. Например, решения судов о неправомочных увольнениях. Были обращения в прокуратуру. Ведь были нарушения и при выборах самого К.. Там была нарушена процедура. И прокуратура определила, что нарушения есть, но ей не удалось найти документов, которые подтверждали бы эти нарушения. Документы по выборам ректора просто куда-то пропали.

Информация, прозвучавшая в предыдущих репликах А.К., стимулирует журналиста заподозрить ректора ТГУ в неправомочных действиях и задать вопрос о наличии документов, которые их подтвердили бы. Оценки, используемые журналистом, описывают действия ректора как противозаконные и предположительно имевшие место.

Ответ А.К. касается возможного документального подтверждения разных незаконных и неэтичных действий. Он перечисляет типы документов, которые связаны с разными правовыми, правоприменительными процедурами: решения судов о неправомочных увольнениях, обращения в прокуратуру. Последняя фраза звучит намеком, что документы по прошлым выборам ректора пропали не просто так.

Основная смысловая направленность этого содержательного блока интервью (помимо того, что это очередной шаг в общении журналиста, который запрашивает информацию, и его собеседника, который ему ее сообщает) заключается в том, чтобы довести до сведения читателей газеты, что есть документы, доказывающие, что ректор М.К. в ряде ситуаций действовал против процедур, с нарушением профессиональной этики. Такая оценочная информация способна (наряду с другими информационными потоками и с жи-

тейской практикой читателей) сформировать негативное общественное мнение относительно деятельности М.К. – в полном соответствии с базовыми социальными функциями СМИ и без противоречия медиазаконодательству.

1.10. В девятом диалогическом блоке негативная информация в явном виде не содержится:

Ж. Но наверняка у М.К. есть качества, которые лично вам симпатичны?

К. Конечно, он хорошо поет, уверенно держится на публике. И когда он выступал перед своими выборами, то сказал: «Преподаватели, я за вас, я обещаю поднять вам зарплату и уменьшить нагрузку». И по большому счету он выполняет свои обещания, но путем сокращения штатов. Об этом во время выборов не было ни слова. Достаточно посмотреть, кто из голосовавших за него еще работает, и вы поймете, что иных уж нет, а те далече.

После обсуждения существующих неизвестно где документов, предположительно доказывающих некие неэтичные, процедурно некорректные и чуть ли не противозаконные действия ректора ТГУ весь этот диалогический блок звучит саркастически: и вопрос журналиста о том, что в М.К. нравится А.К. - уволенному преподавателю и профсоюзному деятелю, чувствующему себя накануне отставки, и ответ А.К., что именно он ценит в М.К. - что он «хорошо поет, уверенно держится на публике». Симптоматично, что именно формулировка «хорошо поет» была вынесена в заголовок интервью, была в нем процитирована. Это стало яркой экспрессивной деталью журналистского текста, смысл которой внятен едва ли не всем достаточно грамотным читателям и которая позволяет выразить критическое отношение к персонажу без опасения слишком «жесткого» воздействия и без опасения судебного преследования.

При этом в ответе А.К. есть и фактологическая информация, которую можно проверить, - в примере она выделена жирным шрифтом.

1.1. В лиде негативная информация содержится в первых трех предложениях: *«Тольяттинский государственный университет превратился в кузницу скандалов. Прежде всего, это связано с многочисленными увольнениями сотрудников. Можно сказать, что за последний год увольнения в ТГУ приняли массовый характер».*

Она выражена в форме мнения, т.е. текстового построения, в котором отображается не простая фактология, а некий субъективный фрагмент, картина мира, свойственная некоторому человеку. Мнение в целом нельзя подвергать верификации, т.е. проверке на соответствие действительности.носителем этого мнения является журналист.

Данный фрагмент мнения оформлен как рассуждение – объяснение, т.е. как выявление в тексте причинно-следственных отношений некоторых явлений мира или некоторых суждений автора и аргументация справедливости оценочных суждений. В этом рассуждении автор предлагает как основной тезис всего интервью, так и частный тезис. Развернутым доказательством их будет служить все интервью – это и свидетельствует о том, что оно относится к жанровой разновидности «проблемное интервью».

Кроме того, в составе мнения есть утверждение с частноколичественной оценкой увольнений как массовых. Оно может быть проверено на соответствие действительности.

В первом диалогическом блоке негативная информация в явном виде содержится, как уже было сказано в ответе на первый вопрос, в реплике интервьюируемого.

Она выражена в разнообразной форме, в частности в форме утверждения, которое содержит частную оценку, дескриптивный аспект которой (как это следует из концепции функциональной оценки Е.М. Вольф) может быть проверен на соответствие действительности. В нижеприведенных примерах утверждения выделены жирным шрифтом.

«руководство ТГУ решило воплотить в жизнь следующую формулу () Все это было сделано в одностороннем порядке. () В нарушение всех процедур был выпущен соответствующий приказ.

Указанная ниже информация дана в НЕУТВЕРДИТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ, которая не подлежит проверке на соответствие действительности:

Я на это обратил внимание ректора, приезжала комиссия областного комитета, которая также увидела в действиях М.К. явные нарушения.

Здесь приведены сведения о восприятии (видении) неким субъектом (комиссией) некоторой ситуации, обозначенной в свернутом виде как нарушения. Информация о субъективном восприятии не подлежит верификации.

Следующая негативная информация дана в форме мнения, включающего предположение: *Приказ был отменен, и действительно, в профсоюзный комитет поступило новое обращение. Мы его посмотрели и пришли к выводу, что подобные действия приведут к уменьшению ставок преподавателей и к их увольнению. () При этом количество студентов практически не изменилось. Это означает, что на оставшихся преподавателей увеличилась учебная нагрузка, их труд стал более интенсивным. () Мне, например, непонятно, зачем нужно было снижать нагрузку преподавателей (), увеличивая их число, а затем уменьшать нормы времени с последующим увольнением этих же преподавателей. () В данном случае закон, по мнению профсоюзного комитета, был нарушен, что и явилось основой конфликта».*

В пределах мнения имеются фактологические утверждения: *на оставшихся преподавателей увеличилась учебная нагрузка, их труд стал более интенсивным.*

1.3. Во втором диалогическом блоке в ответе интервьюируемого А.К. негативная информация содержится в разной форме:

- в форме мнения (в данном случае – афористического оценочного суждения, выступающего тезисом дальнейшего рассуждения): *Так оно и есть, но теория совершенно расходится с практикой.*

- и в форме утверждения: *Проблема заключается в том, что сэкономленные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям, на это израсходовали определенную не самую большую часть, но остальное ушло на укрепление материального положения административно-управленческого аппарата, где количество работающих за последние четыре года не сокращалось, а только увеличивалось.*

Во втором диалогическом блоке негативная информация в вопросе журналиста С.Р. содержится в форме мнения (целевого суждения):

Ж. Правильно ли я вас понял, что часть преподавателей уволили для того, чтобы оставшимся поднять зарплату?

1.5. В четвертом диалогическом блоке негативная информация содержится в разной форме репликах обоих коммуникантов, в фрагментах, выделенных жирным шрифтом:

В вопросительной форме, не подлежащей проверке на соответствие действительности, в вопросе журналиста: С первого июля вы больше не преподаватель ТГУ, а с профсоюзной работы вас можно сместить?

В форме предположения о будущем (прогноза), также не подлежащего верификации, - в реплике А.К.: ***Я думаю, что будут попытки профсоюзный комитет университета «зачистить», и когда в нем останутся только лояльные к ректору люди, меня освободят от занимаемой должности. Будет объявлено о проведении внеочередной отчетно-выборной конференции, где и примут соответствующее решение.***

1.6. В пятом диалогическом блоке негативная информация в утвердительной форме содержится в следующем фрагменте из реплики А.К., выделенном жирным шрифтом:

В ТГУ есть хороший коллективный договор. И конечно, он дает определенные льготы, но в нем не записано, что нельзя сокращать количество часов и увольнять членов профсоюзного комитета.

1.7. В шестом диалогическом блоке негативная информация содержится разных формах в следующих фрагментах, выделенных жирным шрифтом:

В форме вопроса журналиста: *И в чем же сверхзадача такого поведения ректора ТГУ?*

В форме мнения-рассуждения интервьюируемого – ответчика А.К.: *Конечно, возможно, я преувеличиваю и моя скромная персона для него не представляет никакой угрозы, но мне кажется, что тенденция такая: М.К. решил уволить всех, кто находится в оппозиции к действующему ректору. Ведь уже потеряли свои рабочие места некоторые директора институтов, которые элементарно могли что-то сказать на будущей конференции. Так что сегодня идет планомерная работа по «уборке» всех возможных оппонентов, причем всех, даже тех, кто никогда и не думал выдвигаться на должность ректора. Таким образом поле вычищается от сорняков.*

Показателями мнения являются такие слова и конструкции: *Конечно, возможно, я преувеличиваю и моя скромная персона для него не представляет никакой угрозы, но мне кажется, что тенденция такая...* Отметим также, что выводная конструкция в этом рассуждении имеет характер неverifiedируемой метафорической оценки: *Таким образом поле вычищается от сорняков.*

1.7. В шестом диалогическом блоке негативная информация содержится в таком фрагменте большой реплики А.К., выделенной жирным шрифтом. Ее общая композиционная форма – мнение:

(...) Что касается сегодняшних дней, то в ТГУ сейчас способ управления можно назвать авторитарным или военным. Есть начальник, который дает команды и требует беспрекословного подчинения. Иногда, конечно, М.К. выходит в народ, но это только ради пропаганды. Если на каком-то собрании кто-то позволит лишнего, то он обязательно будет вызван к ректору и с ним проведут жесткую беседу. После чего человек или перестает быть в оппозиции, или просто увольняется.

Однако в нем содержится утверждение со значением обычно происходящих событий, а не однократного происшествия: *Если на каком-то собра-*

нии кто-то позволит лишнего, то он обязательно будет вызван к ректору и с ним проведут жесткую беседу. После чего человек или перестает быть в оппозиции, или просто увольняется.

1.8. В восьмом диалогическом блоке негативная информация содержится в репликах обоих участников интервью и выражена в разных формах:

В форме общего вопроса с коммуникативной «связкой» у журналиста:

Ж. Получается, что и роль профкома сведена к минимуму?

В форме утверждения в составе рассказа ответчика А.К.:

Раньше были постоянные консультации по заработной плате и условиям труда, сегодня такого уже нет. Все решения принимаются в одностороннем порядке. И здесь, кстати, можно привести статистику.

1.9. В восьмом диалогическом блоке негативная информация содержится и в вопросе журналиста, и в ответе ньюсмейкера.

В форме вопроса у журналиста:

Ж. Может быть, у вас есть какие-то документы, которые смогли бы уличить ректора в его неправомочных действиях?

В форме утверждения у ответчика А.К.:

А.К. Криминалом я не занимаюсь, а в принципе документы есть. Например, решения судов о неправомочных увольнениях. Были обращения в прокуратуру. Ведь были нарушения и при выборах самого К.. Там была нарушена процедура. И прокуратура определила, что нарушения есть, но ей не удалось найти документов, которые подтверждали бы эти нарушения. Документы по выборам ректора просто куда-то пропали.

1.10. В девятом диалогическом блоке в ответе А.К. есть негативная информация о ТГУ, конкретнее - о действиях его руководителя М.К. в форме утверждения.

А.К. Конечно, он хорошо поет, уверенно держится на публике. И когда он выступал перед своими выборами, то сказал: «Преподаватели, я за вас, я обещаю поднять вам зарплату и уменьшить нагрузку». И по большому сче-

ту он выполняет свои обещания, но путем сокращения штатов. Об этом во время выборов не было ни слова. Достаточно посмотреть, кто из голосовавших за него еще работает, и вы поймете, что иных уж нет, а те далече.

Лингвостилистический анализ текста подтверждает, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении ТГУ действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов, которые могут быть проверены на соответствие действительности. Они принадлежат ответчику, тольяттинскому профсоюзному деятелю А.К..

Это такие утвердительные фразы (некоторые из них содержат проверяемый частнооценочный компонент):

«руководство ТГУ решило воплотить в жизнь следующую формулу () Все это было сделано в одностороннем порядке. () В нарушение всех процедур был выпущен соответствующий приказ.

«() на оставшихся преподавателей увеличилась учебная нагрузка, их труд стал более интенсивным».

Проблема заключается в том, что сэкономленные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям, на это израсходовали определенную не самую большую часть, но остальное ушло на укрепление материального положения административно-управленческого аппарата, где количество работающих за последние четыре года не сокращалось, а только увеличивалось.

() ... В ТГУ есть хороший коллективный договор. И конечно, он дает определенные льготы, но в нем не записано, что нельзя сокращать количество часов и увольнять членов профсоюзного комитета.

Утверждение со значением обычно происходящих негативных событий, а не однократного происшествия: *Если на каком-то собрании кто-то позволит лишнего, то он обязательно будет вызван к ректору и с ним проведут жесткую беседу. После чего человек или перестает быть в оппозиции, или просто увольняется.*

Раньше были постоянные консультации по заработной плате и условиям труда, сегодня такого уже нет. Все решения принимаются в одностороннем порядке. И здесь, кстати, можно привести статистику.

Криминалом я не занимаюсь, а в принципе документы есть. Например, решения судов о неправомерных увольнениях. Были обращения в прокуратуру. Ведь были нарушения и при выборах самого К.. Там была нарушена процедура. И прокуратура определила, что нарушения есть, но ей не удалось найти документов, которые подтверждали бы эти нарушения. Документы по выборам ректора просто куда-то пропали.

А.К. И когда он, выступал перед своими выборами, то сказал: «Преподаватели, я за вас, я обещаю поднять вам зарплату и уменьшит нагрузку». И по большому счету он выполняет свои обещания, но путем сокращения штатов. Об этом во время выборов не было ни слова. Достаточно посмотреть, кто из голосовавших за него еще работает, и вы поймете, что иных уж нет, а те далече.

Также судом был поставлен перед экспертом вопрос – воспринимается ли изложенная негативная информация как умаляющая деловую репутацию истца. Но на этот вопрос эксперт отвечать не уполномочен: вопрос выходит за рамки компетенции лингвиста-эксперта, поскольку вопрос о восприятии текста сформулирован в собственно правовых терминах умаления деловой репутации. Такие вопросы было принято задавать на первом этапе развития антидиффамационных лингвистических экспертиз (эти вопросы можно встретить даже в публикациях ГЛЭДИС), но в настоящее время они признаны некорректными.

Если судья задастся вопросом, воспринимается ли некая информация как умаляющая деловую репутацию некоего лица, он вынужден будет сразу ответить – «Да, воспринимается». Но кем? – истцом! Истец воспринимает ее как гипотетически умаляющую его репутацию – и подает иск о ее защите. Но как на самом деле были восприняты эти сведения в той аудитории, где

были распространены, неизвестно. Может быть, это можно будет проверить в психолингвистическом (по инструментарию - социологическом) исследовании, когда надо будет обеспечить адекватную выборку и задавать респондентам вопросы типа: «Ухудшилось или улучшилось ваше отношение к лицу X/ фирме /организации Y, когда вы прочитали/ услышали данную информацию?»; «Продолжите ли вы сотрудничество с фирмой Y после того, как узнали, что P?», «Не знаете ли вы достоверных случаев, когда получение данной информации об X ли Y вызвало ухудшение отношения к нему/ к ней или разрыв делового контракта?»

В постановке этого вопроса судом перед лингвистами-экспертами фактически обнаруживается проблема возможного неточного толкования истцом ситуации распространения и интерпретации сведений. У этой неточности есть много причин, и коренятся они в сложном, смешанном - правовом и одновременно лингвистическом - характере законодательных формулировок по речевым преступлениям, в которых описываются их диагностирующие показатели, в том числе морально-психологический вред. Традиция таких «тупиковых» вопросов объясняется, предположительно, сравнительной молодостью законодательной и правоприменительной проблематики диффамации в отечественном законодательстве (защита чести и достоинства была включена в ГК СССР в начале 90-х гг., перед распадом Союза). Законодатель, давший такую формулу преступления посредством текста, и правоприменитель, задающий на ее основе диагностирующий вопрос о восприятии его содержания, не учитывают существенных свойств человеческой коммуникации, в частности вероятностную природу ее эффектов. Любая неприятная для истца информация может быть им интерпретирована как порочащая, свои эмоции при ее восприятии – как унижение чести и достоинства, а предположительное влияние на аудиторию - как дискредитация истца в ее глазах. Ответ «Да» на этот вопрос бессодержателен, потому что восприятие высказывания самим истцом как порочащего в принципе не должно влиять на его финальную ква-

лификацию судьей: в случае назначения лингвистической экспертизы значение имеет только обнаружение в ее ходе определенных текстовых показателей – наличия негативной информации о нарушении истцом законов, профессиональной/ деловой этики и базовых моральных норм, которая сформулирована в утвердительной форме. А перлокутивные эффекты дискредитации на массовом адресате не подлежат изучению методами лингвистической экспертизы. Здесь могли бы работать методы психолингвистической экспертизы, но результат был бы все равно проблематичен.

По итогам лингвистического анализа экспертом были сделаны следующие выводы.

1. Да, в тексте статьи есть негативные сведения о ТГУ и о его деятельности. Эти сведения разнообразны и многочисленны. Они подробно проанализированы в экспертизе. Там же была выявлена их смысловая направленность, в принципе вполне соответствующая социальному предназначению журналистики. Эта направленность заключается в критике ТГУ и некоторых аспектов его деятельности, а также его руководителей со стороны журналиста и его собеседника (интервьюируемого) – ответчика и в формировании критического общественного мнения читателей газеты «Гольяттинский навигатор» об этих социальных субъектах.
2. Негативные сведения о ТГУ выражены в разной форме – в форме утверждений, мнений, суждений, прогнозов.
3. Лингвостилистический анализ текста подтверждает, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении ТГУ действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов, которые могут быть проверены на соответствие действительности.

И по результатам экспертизы судом было принято решение об удовлетворении заявленных истцом требований – о признании не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию ТГУ сведений, изложен-

ных в интервью А.К. в газете «Тольяттинский навигатор». На данное решение ответчиком была подана апелляционная жалоба, рассмотрена в Самарском областном суде, и решение было оставлено без изменения и вступило в законную силу, апелляционная жалоба была оставлена без удовлетворения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что юрислингвистический способ защиты от диффамации, заключающийся в обращении в суд с исковым заявлением о признании распространенных порочащих сведений не соответствующими действительности, с привлечением лингвистов-экспертов для проведения лингвистической экспертизы спорного текста, является самым действенным способом защиты от диффамации. Но отнюдь не самым легким. Как показывает судебная практика, истцу необходимо приложить немало усилий, чтобы подкрепить свою позицию не только обоснованными доводами и ссылками на нормы действующего законодательства, но и многочисленными доказательствами, подтверждающими документами, чтобы убедить суд в своей правоте и добиться вынесения решения в свою пользу.

На основании изложенного вывод: решение судом было принято в точном соответствии с выводами лингвистической экспертизы, что подтверждает тот факт, что юрислингвистический способ защиты с обязательным проведением лингвистической экспертизы является наиболее эффективным способом защиты от диффамации.

2.3. Ирония как средство создания отрицательного образа и способ ухода от ответственности в средствах массовой информации

Как уже понятно из вышеизложенного, для ухода от ответственности за гражданско-правовую диффамацию достаточно излагать всю информацию не в виде утверждений о фактах, которые подлежат верификации, а в виде мнений, суждений, за которые ответчиков практически невозможно привлечь к ответственности. Есть и другие варианты ухода от ответственности, напри-

мер, использование иронии при описании какого-либо события, юридического или физического лица.

В последнее время иронии стали уделять особое внимание в средствах массовой информации. Если ранее она ограничивалась рамками сатирических жанров, таких как фельетон или памфлет, то сегодня с иронией можно столкнуться даже в политической речи. И этому есть множество объяснений, основными из которых является то, что, во-первых, ирония понятна и близка практически всей аудитории средств массовой информации, так как не содержит труднопонимаемых оборотов речи и выражений. Во-вторых, при применении иронии в качестве средства распространения порочащих сведений в целях создания отрицательного образа физического или юридического лица, в судебных органах очень сложно доказать факт распространения порочащих сведений и распространитель или средство массовой информации имеют реальный шанс избежать ответственности при том, что цель – создание негативного образа - будет успешно достигнута.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 года № 3, обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 ГК РФ значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

То есть для судебной защиты чести и достоинства необходимо доказать, что распространенные сведения не соответствуют действительности. Но в случае с иронией отрицательный образ создается без утверждения о фактах и событиях, которые можно было бы проверить на соответствие действительности, верифицировать, а путем применения языковых средств, которые сами по себе не являются нарушением действующего законодательства, но, тем не менее, четко несут в себе отрицательную характеристику описываемого персонажа или события.

Ирония является одним из средств создания отрицательной оценки, но только имплицитно. Ирония – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме [Ожегов 1989, с. 205]. Рассмотрим иронические приемы создания отрицательного имиджа юридического лица на примере публикаций в СМИ о ситуации в университете.

Наиболее часто и успешно применяемыми языковыми средствами иронии являются, в том числе, риторические вопросы, метафоры, восклицания, обращения, гиперболизация и преувеличение, гротеск, эпитеты, архаизмы, неологизмы, морфологические и грамматические средства, например, употребление эмоционально-экспрессивных слов, имеющих уменьшительно-ласкательные суффиксы. Один из основных приемов создания иронии – переосмысление стереотипных словосочетаний, устойчивых выражений, таких как народный умелец, труженик села, передовик производства, перлы мудрости.

Например, статья «М.К. хорошо поет...», которая является интервью А.К., на тот момент занимавшего должность председателя профсоюзного комитета сотрудников ВУЗа, а ранее и преподавателя. В данном интервью ирония и остроумие содержатся не только в репликах интервьюируемого, но и в вопросах, задаваемых журналистом, и в оглавлении и преамбуле к интервью.

Само название статьи «М.К. хорошо поет...» является ярким примером создания отрицательной оценки в данном случае человека. Ирония выражается в том, что, на первый взгляд, дана положительная оценка человеку, в

частности, его умению петь. Но в данном случае речь идет о насмешке в скрытой форме, так как в статье дается негативная оценка деятельности ректора Университета, и многоточие в названии подразумевает то, что все остальное, кроме пения, ректором Университета осуществляется не так хорошо. Показателен и тот факт, что данное ироническое высказывание вынесено в название статьи, что позволяет сделать определенные выводы о содержании всей статьи, прочитав лишь название.

Ситуация с кадровыми изменениями в ВУЗе описана следующим образом: «Так что сегодня идет планомерная работа по «уборке» всех возможных оппонентов, причем всех, даже тех, кто никогда и не думал выдвигаться на должность ректора. Таким образом поле вычищается от сорняков». Выводная конструкция в этом рассуждении имеет характер неverifiedируемой метафорической оценки: Таким образом поле вычищается от сорняков.

Одним из форм иронии является сарказм. Сарказм – 1. Язвительная насмешка, злая ирония. 2. Едко-насмешливое замечание [Ожегов 1989, с. 569]. Сорняк – сорное растение; сорное – дикорастущее, заглушающее культурные посевы [Ожегов 1989, с. 612].

В данном случае ВУЗ сравнивается с полем, а возможные оппоненты ректора – с сорными растениями, которые тем самым противопоставляются культурным растениям, под которыми подразумеваются союзники ректора. Сравнение оппонентов ректора с сорняками является уничижительным, саркастическим описанием кадровой ситуации в ВУЗе, для чего используется метафора «вычищение поля от сорняков».

В статье «Наука попала под сокращение» при описании изменений временных нормативов, регламентирующих работу педагогического состава, на вопрос о том, повлияют ли нововведения на качество образования дается ответ: «Скажем так, контроль полученных знаний станет более слабым. Радуйтесь, братья-студенты!». То есть в данном случае подобное обращение к студентам с призывом радоваться основано на представлении о студентах, как о бездельниках, не желающих учиться и сдавать экзамены, которых обрадует

новость об ослаблении контроля полученных знаний. Но совершенно не обрадует и будет воспринята негативно как родителями студентов, желающими получить надлежащий уровень знаний для своего ребенка, так и работодателями, к которым впоследствии такой «брат-студент» устроится на работу, что формирует негативное мнение об образовательной организации с подобными нормами времени труда преподавателей.

То есть ироничное восклицание-призыв о необходимости радоваться, несущее в себе, на первый взгляд, положительные эмоции, в данном случае используется в совершенно противоположном значении, на самом деле несет в себе негативную оценку, так как перспектива ослабления контроля знаний свидетельствует о снижении уровня образования и воспринимается аудиторией читателей негативно.

В статье «М.К. хорошо поет...» интервьюируемый на вопрос журналиста «Но наверняка у М.К. есть качества, которые лично вам симпатичны» отвечает «Конечно, он хорошо поет, уверенно держится на публике». В данной фразе, на первый взгляд, не содержится негативной информации о человеке, но учитывая, что вопрос задан о ректоре крупного ВУЗа, обладающем многими достижениями, научными званиями и регалиями, играющем одну из ведущих ролей в общественной и политической жизни города, становится понятен иронический смысл оценки его только с точки зрения качества пения и уверенного поведения на публике.

Данная характеристика звучит саркастически и несет в себе смысл, который понятен едва ли не всем достаточно грамотным читателям и позволяет выразить критическое отношение к персонажу без опасения воздействия со стороны упоминаемого ректора (ведь высказывание не является оскорблением) и без опасения судебного преследования.

При сравнении годовой заработной платы ректора за 2012 г. и средней зарплаты работника этого университета автор делает вывод в виде шутливой рекомендации к собственной мыслительной активности собеседника, а косвенно и читателей: «Как говорится, почувствуйте разницу». Смысловая

направленность этого - показать читателям контраст между финансовым положением ректора и «простого» работника, из которого с большой степенью вероятности читатели сделают вывод, как минимум, о несправедливом распределении в ВУЗе денег на зарплату, а как максимум, о нечестном финансовом поведении ректора. При этом интервьюируемый специально «закрывает глаза» на разницу в должностных обязанностях, квалификационных требованиях, уровне принятия решений и степени ответственности рядового сотрудника ВУЗа и ректора, акцентируя внимание на «одной стороне медали» в целях привлечения читательской аудитории на свою сторону. И, конечно же, им никак не комментируется и не доводится до сведения читателей тот факт, что размер заработной платы ректора государственного ВУЗа устанавливается Министерством образования и науки РФ исходя из уровня средней заработной платы работников ВУЗа, а не устанавливается ректором самостоятельно исходя из своих пожеланий.

При описании сокращения штата, А.К. поясняет, что «проблема заключается в том, что сэкономленные средства не полностью пошли на повышение заработной платы преподавателям, на это израсходовали не самую большую часть, а остальное пошло на укрепление материального положения административно-управленческого аппарата. Согласитесь, что это как минимум странно». Отметим, что интервьюируемый описывает перераспределение денег при возникшей экономии фонда оплаты труда в результате сокращения штата, давая ему очень мягкую характеристику: «Согласитесь, что это как минимум странно». Она сформулирована как стилистический прием эвфемизм, и также несет негативную направленность, не влекущую за собой никаких юридических последствий в виде ответственности. Данный вывод является как бы неоконченным, и его логическим продолжением является мысль, автоматически формирующаяся у читателей - «а как максимум, свидетельствует о нарушении законодательства и морально-этических норм».

На вопрос журналиста «Вы заявляете, что увольнения незаконны. По каким основаниям?» А.К. начинает свой ответ с фразы: «Не буду распро-

страняться о морально-этическом аспекте творящегося. Но нарушена процедура сокращения сотрудников...». Высказанное таким образом нежелание говорить о морально-этическом аспекте творящегося очень красноречиво свидетельствует о том, что интервьюируемому есть что сказать по этому поводу, причем именно с негативной окраской происходящего, этой фразой он как бы показывает, что морально-этические принципы нарушены настолько очевидно, что об этом даже не стоит и говорить, это понятно и без слов.

Примечателен и выбор слова «творящееся» для характеристики происходящего. Творящееся, от слова твориться - делаться, происходить (обычно о чем-нибудь странном или предосудительном) [Ожегов 1989, с. 645]. То есть, применив в описании происходящего слово «творящееся», А.К. одним этим дает понять читателям, что в ВУЗе происходит нечто странное, предосудительное, не соответствующее нормам морали, этики и, по всей видимости, законности.

Поясняя действия ректора, А.К. говорит «Возможно, я преувеличиваю, и моя скромная персона для него не представляет никакой угрозы...». В данной фразе также просматривается ирония, она двусмысленна и изложена таким образом, что читатель сделает противоположные выводы – персона А.К. совсем не скромная и на самом деле представляет угрозу для ректора. Вероятно, двойной смысл данной фразы адресован не столько читателю, сколько самому ректору для предупреждения его о возможной угрозе со стороны «скромной персоны» А.К..

Описывая методы управления ректора, А.К. указывает: «Иногда, конечно, М.К. выходит в народ, но это только ради пропаганды». Данное высказывание также является ироничным, что подтверждается следующим.

Хождение в народ – движение среди русской студенческой молодежи в 70-е годы 19 века, когда революционно настроенная молодежь ходила в народ для перевоспитания крестьян. Выражение является устойчивым и знакомо широкому кругу читателей.

В современном языке данное выражение употребляется иронически. Также выражение «выходит в народ» противопоставляет ректора и народ – сотрудников ВУЗа, показывая, что ректор и сотрудники не вместе, не заодно, а, как говорится, по разные стороны баррикад. Но даже и выходы в народ происходят «иногда», что еще раз подчеркивает разобщенность ректора и сотрудников и редкость их общения. И даже эти редкие «выходы» проводятся не для общения, а только «ради пропаганды», то есть в интересах ректора, а не сотрудников или ВУЗа в целом.

Таким образом, использование сарказма и иронии в текстах позволяет достаточно уверенно создать негативное мнение о том или ином событии или лице и при этом избежать возможного судебного преследования, так как в этом случае отсутствует утверждение о каких-либо порочащих действиях или фактах характеризуемых лиц, а оценка изложена в выражениях и фразах, не подлежащих верификации.

Выводы ко 2 главе.

1. Наиболее эффективным способом защиты от диффамации является юрислингвистический с привлечением лингвистов-экспертов для проведения лингвистической экспертизы.

2. Решение суда принимается в точном соответствии с выводами лингвистической экспертизы, что подтверждает эффективность юрислингвистического способа защиты от диффамации с обязательным проведением лингвистической экспертизы.

3. Использование сарказма и иронии позволяет создать негативное мнение о том или ином событии или лице и избежать ответственности за диффамацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на основании проведенного анализа теоретических материалов и с приведением примеров из сложившейся судебной практики, можно утверждать, что наличие всех трех основных элементов состава диффамации, а именно: факта распространения ответчиком сведений об истце, порочащего характера этих сведений и несоответствия их действительности, необходимо для подтверждения свершившегося факта диффамации, что, в свою очередь, необходимо для обеспечения возможности реализации права на защиту от

диффамации. Наличие дополнительных элементов состава также необходимо, но не для подтверждения самого факта диффамации, а для обеспечения эффективной и результативной защиты от диффамации, для возможности наступления ответственности за диффамационное правонарушение, и для привлечения виновных к ответственности.

Так, обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, которые подлежат определению судьей, являются:

- факт распространения сведений,
- порочащий характер этих сведений,
- несоответствие их действительности.

При отсутствии хоть одного из указанных обстоятельств у искового заявления нет судебной перспективы.

Кроме того, в качестве дополнительных, можно сказать, вспомогательных признаков состава диффамационного правонарушения, следует обратить внимание на следующие обстоятельства:

- распространенные сведения должны касаться конкретного лица, то есть полнота и подробность изложенных сведений должны обеспечить возможность идентификации конкретного физического или юридического лица, которое и обратится за защитой нарушенных прав;

- сведения должны содержать именно утверждения о фактах или событиях, а не мнения, суждения, точки зрения, гипотезы распространителя на те или иные вопросы, например, на то или иное поведение физического лица;

- должна отсутствовать возможность освобождения от ответственности за диффамацию в отношении сведений, формально являющихся диффамацией, но по той или иной причине не подпадающих под нормы ст. 152 ГК РФ.

И в том случае, если в совершенном диффамационном правонарушении присутствуют и обязательные признаки состава правонарушения, и вспомогательные признаки, существует реальная возможность, предусмотренная и нормами законодательства и существующей судебной практикой, привлечь

виновных к ответственности за нарушение прав истца, в том числе в результате и благодаря грамотно проведенной лингвистической экспертизе.

При этом необходимо отметить, что для привлечения к ответственности за диффамационное правонарушение должна отсутствовать возможность освобождения от ответственности за диффамацию в отношении сведений, формально являющихся диффамацией, но по той или иной причине не подпадающих под нормы ст. 152 ГК РФ.

Что касается установленных законом способов защиты от гражданско-правовой диффамации, то, несмотря на их кажущееся многообразие, а именно:

- признание распространенных сведений не соответствующими действительности;
- опровержение распространенных сведений;
- использование права на ответ (реплику, комментарий);
- возмещение причиненных убытков;
- компенсация морального вреда;
- компенсация нематериального вреда юридическим лицам;
- извинение;

наиболее эффективным и результативным является и остается по настоящее время юрислингвистический способ защиты – то есть признание сведений не соответствующих действительности при подаче иска о защите чести, достоинства и деловой репутации в судебном порядке посредством проведения лингвистической экспертизы в рамках судебного разбирательства.

Как было рассмотрено в работе и подтверждено примерами из судебной практики, без судебной, то есть юрислингвистической защиты от гражданско-правовой диффамации, с обязательным использованием знания и опыта экспертов-лингвистов, восстановление нарушенных прав и интересов представляется достаточно затруднительным, если не сказать безнадежным. Добровольно, до обращения в суд и принятия судом соответствующего решения, без проведения лингвистического исследования, практически никто из ответ-

чиков, допустивших распространение не соответствующей действительности порочащей информации, не намерен восстанавливать нарушенные им права и интересы других лиц путем признания допущенной диффамации, размещения опровержения, ответа, реплики или, более того, принесения извинения.

И истцу не остается иного выхода кроме как обратиться в суд с иском о признании сведений не соответствующими действительности, с привлечением экспертов-лингвистов для проведения лингвистической экспертизы.

Именно поэтому юрислингвистический способ защиты от диффамации является наиболее эффективным и имеющим положительную судебную практику, способным наиболее эффективно и в максимально короткие сроки восстановить нарушенные права на честь, достоинство и деловую репутацию путем реализации права на их защиту, с обязательным проведением лингвистической экспертизы и использования ее выводов как основного и весомого доказательства в процессе судебного разбирательства.

Апробация материалов исследования, которая свидетельствует о самостоятельности проделанной работы и её практической значимости, была осуществлена при представлении интересов регионального вуза – Тольяттинского государственного университета – при подаче исков о защите деловой репутации, признании сведений, не соответствующих действительности, при представлении вуза в процессе многочисленных судебных заседаний по указанным вопросам в судах различных инстанций. И положения, вынесенные на защиту, были подтверждены именно опытным путем, в результате применения их в судебной практике при рассмотрении в судах исковых заявлений по диффамационным спорам, случившимся в действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/, свободный. – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/, свободный. – Загл. с экрана.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/, свободный. – Загл. с экрана.
4. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 : ред. от 03.07.2016 г. [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/, свободный. – Загл. с экрана.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. : с учетом поправок внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/, свободный. – Загл. с экрана.
6. Конвенции о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 г. : изм. от 13.05.2004 г. [Электронный ресурс] // Кон-

- сультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/, свободный. – Загл. с экрана.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, свободный. – Загл. с экрана.
 8. Александров, А. С. Техники доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе / А. С. Александров // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник трудов конференции. – Нижний Новгород : Нижегородское книжное издательство, 2001. – Т. 2. – С. 465–481.
 9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
 10. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. – Москва : Эдиториал, 2001. – 360 с.
 11. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – С. 297–325.
 12. Бельчиков, Ю. А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ [Текст] : сборник материалов / Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. – Москва : Информкнига, 2010. – 208 с.
 13. Васильев, А. Д. Культивирование иррационализма как компонент мифологизации общественного сознания / А. Д. Васильев // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. – 2002. – Вып. 3. – С. 174–185.
 14. Ветров, С. А. Идеология и ее язык / С. А. Ветров // Язык. Человек. Картина мира : лингвоантропоцентрические и философские очерки. – Омск : ОмГУ, 2000. – Ч. 1. – С. 196–201.

15. Вепрева, И. Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) / И. Т. Вепрева // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах : сборник материалов Межрегионального научно-практического семинара. – Москва : Галерея, 2003. – С. 115–125.
16. Голев, Н. Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание? (О двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 1999. – С. 122–138.
17. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 1999. – С. 11–58.
18. Голев, Н. Д. Юридизация естественного русского языка как фундаментальная проблема юридической лингвистики / Н. Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и современность : сборник трудов и материалов Международного конгресса исследователей русского / под общей ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. – Москва : МГУ, 2001. – С. 251–252.
19. Горбаневский, М. В. Об ответственности за слово / М. В. Горбаневский // Русская речь. – 2007. – № 1. – С. 69–73.
20. Грачев, М. А. Лингвокриминалистика [Текст] / М. А. Грачев. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – 280 с.
21. Гридина, Т. А. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Т. А. Гридина, В. С. Третьякова // Юрислингвистика. – 2002. – № 3. – С. 56–65.
22. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст] / В. Дорошевский. – Москва : Прогресс, 1973. – 288 с.

- 23.Доронина, С. В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С. В. Доронина // Юрислингвистика. – 2002. – № 3. – С. 78–85.
- 24.Есин, С. Н. На рубеже веков : дневник редактора [Текст] / С. Н. Есин. – Москва : Олма-Пресс, 2002. – 636 с.
- 25.Жельвис, В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. И. Жельвис // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. – Москва : Медея, 2004. – С. 289–298.
- 26.Зиновьев, А. А. Зияющие высоты [Текст] / А. А. Зиновьев. – Лозанна : L'Age d'homme, 1976. – 561 с.
- 27.Иванец, Г. И. Глобализация, государство, право / Г. И. Иванец, В. И. Червонюк // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 87–94.
- 28.Капленко, В. Н. Инвективность открытая и скрытая / В. Н. Капленко // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 2002. – С. 71–77.
- 29.Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
- 30.Котюрова, М. П. Интерпретация конфликтогенного журналистского текста в судебном дискурсе / М. П. Котюрова // Этика речевого поведения российского журналиста. – Санкт Петербург : Астерион, 2009. – С. 107.
- 31.Коньков, В. И. СМИ как речевая система / В. И. Коньков // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 75–80.
- 32.Леонтьев, А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ / А. А. Леонтьева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : МГУ, 2003. – С. 66–88.

33. Лисицына, Т. А. Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития / Т. А. Лисицына // Язык и образование : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Великий Новгород, 2002. – Вып. 3. – С. 21–27.
34. Матвеева, О. Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования / О. Н. Матвеева // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : материалы Межрегионального научно-практического семинара. – Москва : Галерея, 2002. – Ч. 1. – С. 51–55.
35. Матвеева, О. Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста / О. Н. Матвеева // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 2004. – С. 89–100.
36. Микулина, И. В. Специфика медиатекстов в ракурсе судебной практики / И. В. Микулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 180–184.
37. Микулина, И. В. Трансформация статуса адресата в юридизированном медиатексте / И. В. Микулина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 8. – № 24. – С. 224–233.
38. Ножин, Е. А. Проблема определения массовой коммуникации / Е. А. Ножин // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – Москва : Наука, 1974. – С. 5–10.
39. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд. – Москва : Русский язык, 1989. – 750 с.
40. Базилев, В. Н. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ [Текст] / В. Н. Базилев, А. К. Симонов. – Москва : Права человека, 1997. – 127 с.

41. Понятия чести, достоинства и деловой репутации : Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами [Текст] / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. – Изд. 2-е. – Москва : Медея, 2004. – 328 с.
42. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Текст] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 6-е изд. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 479 с.
43. Слово – не воробей: материалы информационного спора // Взгляд : ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. – 2003. – Вып. 1. – С. 17.
44. Сулова, А. В. О русских именах [Текст] / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 220 с.
45. Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах : сборник материалов Межрегионального научно-практического семинара. – Москва : Галерея, 2003. – Ч. 2. – С. 220–228.
46. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / В. С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
47. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации [Текст] / под ред. М. В. Горбаневского. – 3-е изд. – Москва : Галерея, 2002. – 424 с.
48. Чернышова, Т. В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект) [Текст] : учебное пособие / Т. В. Чернышова. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 2003. – 178 с.
49. Шабанов, Д. С. Понятие диффамации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 224–227.

50. «Мы делили апельсин» / эксперт Н. Д. Гоголев // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 2002. – С. 208–214.
51. Об иллюстрации к материалу «Волк и Красная шапочка», опубликованному в газете «Московский комсомолец»: экспертное заключение № 7 (40) от 8 июля 1998 г. // Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ / под ред. А. К. Симонова. – Москва : Галерея, 2002. – С. 190–191.

Судебная практика

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [Электронный ресурс] // lexcodex.ru : информационно-правовой портал. – Режим доступа : lexcodex.ru/plenum-i-prezidium-vs-rf/postanovlenie-plenuma-vs-rf-p-3-ot-24-02-2005-g/, свободный. – Загл. с экрана.
53. Определение Верховного Суда РФ от 17.08.2016 г. № 302-КГ16-9703 по делу № А19-14666/2015. Требование: О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании недействительным решения налогового органа в части выводов о получении необоснованной налоговой выгоды. Решение: В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отказано, так как изложенные в решении выводы налогового органа являлись результатом анализа конкретных обстоятельств и документов, носили оценочный характер, и решение не возлагало на заявителя каких-либо обязанностей [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа :

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=471528#0, свободный. – Загл. с экрана.

54. Определение ВАС РФ от 11.01.2010 N ВАС-17086/09 по делу N А70-6868/2008. В передаче дела по иску о признании порочащими честь, достоинство и деловую репутацию сведений, изложенных в аналитической записке, обязанности ответчика направить третьему лицу письмо с опровержением всех сведений, а также о взыскании компенсации нематериального вреда для пересмотра в порядке надзора отказано, так как, удовлетворяя иск частично, суд верно исходил из признания порочащими деловую репутацию истцов только тех сведений, которые не были подтверждены фактическими доказательствами [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа : consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=137245#0, свободный. – Загл. с экрана.

55. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.11.2015 № С01-913/2015 по делу № СИП-864/2014. Требование: О признании результатов клинических исследований не соответствующими действительности, обязанности опубликовать опровержение, компенсации морального вреда. Обстоятельства: Истец ссылается на то, что в описании изобретения по патенту, опубликованному в официальном бюллетене Роспатента, содержатся сведения о проведении клинических испытаний, не соответствующие действительности и противоречащие медицинской морали, порочат честь, достоинство и деловую репутацию автора изобретения. Решение: В удовлетворении требования отказано, так как сведения, содержащиеся в официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами порядок, не могут быть опровергнуты в порядке статьи 152 ГК РФ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочно-правовая система. – Режим доступа :

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SIP;n=18056#0, свобод-
ный. – Загл. с экрана.